

ЕЛЕНА ЧАРА ЯНОВА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО КАНТА

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 📖

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

Закономерности бытия

Елена Янова

Доказательство Канта

«Автор»

2022

Янова Е. Ч.

Доказательство Канта / Е. Ч. Янова — «Автор»,
2022 — (Закономерности бытия)

Что будет, когда человечество дотянется до звезд? А если уже дотянулось и прикарманило в личное пользование пять экзопланет? И все бы ничего, только новая открытая планета оказалась крепким орешком, со специфическим привкусом кремнийорганики. Команде первопроходцев и их начальнику Честеру предстоит на собственной шкуре в этом убедиться, а заодно поискать среди полупрозрачных хрупких трав Шестого мира приключения на свою пятую точку. Крепкая смесь юмора, науки, людских страстей и щепотка ехидства – вот основа этой теплой ламповой истории. Книга -- лауреат литературной премии им. А. Серафимовича-2022, финалист международного конкурса "Открытая Евразия-2022", вошла в лонг-лист "Электронной буквы-2022".

© Янова Е. Ч., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Интерлюдия 1. Начало начал	17
Глава 2	23
Интерлюдия 2. О разноцветных берегах	30
Глава 3	34
Интерлюдия 3. Учение – свет	38
Глава 4	41
Интерлюдия 4. О скорпикорах ложных замолвите слово	47
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Янова

Доказательство Канта

Пролог

Человечество всегда стремилось с потрясающей прямоотой подчистую разрушить простые и с виду понятные истины. Чтобы выстроить новые – логичные и рациональные. Вот так и вышло, что и яблоки по законам физики ученым на головы падают, и Земля оказалась совсем не плоская, и Солнце, зараза такая, не вокруг нее вращается, а вовсе наоборот. Это базовая закономерность бытия: наша Вселенная – исключительно упорядоченное место, хотя и с поправкой на энтропию, а вот человек – существо изначально неупорядоченное, но почему-то активно внутреннему хаосу сопротивляется и всему ищет объяснение, желательно с весомыми доказательствами.

Чтобы доказать, что если иная жизнь во Вселенной и возможна, то только на основе углерода, людям потребовалось выйти в космос и покорить пять экзопланет. А потом нос к носу столкнуться с шестой.

Новый мир рационально объяснить с разбегу не получилось, как и исследовать техникой: человека к себе планета, полная иррациональной кремнийорганической жизни, пускать не хотела, активно отпугивая зонды и дроны высокой электромагнитной активностью в верхних слоях атмосферы. Но если человечеству что-то приспичит – пиши пропало. И покорять ее упорядоченный эволюцией хаос направили стандартную делегацию с привычным набором для освоения дикой природы: ученые, военные, астронавты. Пять раз схема сбоев не давала, так почему бы должна была случиться осечка на последнем патроне в барабане? Логично?

Тишина перед высадкой стояла особенная, сосредоточенная. Небольшая разведгруппа астродесантников все возможные напутствия уже получила, и ожидала отмашки, сидя в небольшом конференц-зале шаттла для внутригалактических перелетов. На всякий случай командир попросил руководителя ученых еще раз пробежаться по пунктам: что их ждет, и что им делать. Спикер – тонкий, изящный молодой человек с острыми, немного хищными чертами лица – волновался перед неизведанным и порядком увлекся, превратив повторение инструкции по безопасности в лекцию по эволюции. Расчетное время первого свидания приближалось, а ученый все разливался мыслью по древу знаний:

– ...таким образом, мы получаем частичную замену атомов углерода на атомы кремния в структуре первичного пептидоподобного соединения. Но, поскольку кремний связывается с водородом под углом в 150° , а углерод с водородом – под углом в $109^\circ 28'$, то полностью кремниевого белка существовать не может. Он будет менее устойчив к внешним воздействиям, будет легче вступать в реакции и просто не образует сложных белков со вторичной и третичной структурой. И тем более – с четвертичной, как гемоглобин. И степеней свободы становится меньше – как и биоразнообразие таких кремнийорганических белков и, следовательно, жизни в целом.

– Док, а можно чуть попонятнее? – попросил с первого ряда широкоплечий мужчина в серо-синей форме астродесантных войск Объединенного астрофлота, сероглазый, с коротким ежиком каштановых волос и правильными чертами лица с отпечатком на них опыта военной службы.

Ученый дергано поправил очки в прямоугольной оправе и глянул на часы:

– Да-да, конечно, время. Давайте так. Совсем коротко и максимально понятно. Считалось, что принципиально кремнийорганика невозможна. И тем более развитая жизнь на ее основе. Максимум – диатомовые водоросли, да и то... они скорее аккумулируют кремнезем,

чтобы раковинки себе красивые сделать. Но здесь, на этой планете, вы через пару десятков минут столкнетесь с тем, чего на Земле нет и быть не может.

Командир разведгруппы не хотел прерывать ученого, ему было более или менее понятно и интересно. Но редкие шепотки с галерки намекали на то, что бойцы не отказались бы вернуться обратно к себе в каюты: надышаться привычным перед тем, как прикоснуться к тому, чего не может быть.

– И чего же нам ждать? – уточнил чей-то унылый голос откуда-то из середины зала.

– Мне жаль, что из-за высокой активности атмосферного электричества и коэффициента преломления электромагнитных волн не удалось запустить дроны с орбиты. И я не могу вам сказать точно, что вы увидите. Так что ожидайте всего, – ученому не нравилась идея без предварительной тщательной подготовки наобум сажать на поверхность планеты десантный модуль, но другого выхода он тоже не видел. – Всего, что вы только можете вообразить. И чего вообразить не можете тоже. Не мне оспаривать решение руководства пускать людей вперед техники, но с активной фауной использовать планетоходы будет дольше, сложнее, и сопряжено с большими финансовыми затратами. Вы можете справиться намного быстрее и эффективнее. Скажите спасибо, что состав воздуха пригоден для дыхания, хотя бы это удалось узнать точно.

Шепотки снова пробежались легким ветром по залу: астродесантники и до этого понимали, куда летят, но встреча с невозможным неизвестным – всегда волнительное испытание.

– То есть дышать без фильтров нельзя? – уточнил командир.

– Губительных для человека компонентов воздуха и потенциально опасных микроорганизмов в пробах нет. Так что можно, – неопределенно пожал плечами молодой человек, машинально пытаясь сунуть руку в карман лабораторного халата. Не нащупав привычного, ладонь отдернулась и нервно оправила стандартный комбинезон астродесантника, сидевший на ученом как на корове седло. – Но насколько долго и будут ли последствия, пока не очень понятно, могут быть силикатные взвеси в воздухе, опять же, пробы только с верхних слоев атмосферы... Так что ограничьте время первого выхода на поверхность, скажем, пятью минутами, и присылайте мне данные. И прокомментируйте все, что увидели, слышали, почувствовали. Если удастся дополнительно взять пробы воздуха, почвы, получить образцы флоры и фауны – просто отлично. Для начала этого будет достаточно.

Секунда в секунду в нужное время десантный модуль отделился от шаттла и пошел на посадку. Всплески раскаленного воздуха за обзорными экранами мешали астродесанникам разглядеть поверхность, оставалось только дать волю воображению и в общих чертах представить себе, что ждет их за пределами старушки Земли на потенциально, в далекой перспективе, шестой колонии человечества. И все равно носы тех, кто сидел поближе к видовым экранам, с любопытством к ним прилипли. Заработали аэродинамические стабилизаторы, посадочные маневровые двигатели скорректировали курс – и модуль медленно, но неотвратно двинулся к земле.

Астродесантники прилетели на рассвете. Командир про себя хмыкнул – весьма символично заявиться туда, где еще не ступала нога человека, в момент занимающейся иномирной зари.

Звезда класса В, карлик бело-голубого цвета, светила нестерпимо яркой точкой на горизонте неба. Магнитосферное сопротивление ее звездному ветру и излучению окрасило небосклон в кроваво-красные с фиолетовыми прожилками сполохи. Над правым краем горизонта поднимался малый спутник – аккуратное светящееся пятнышко, а посередине медленно светящегося неба завис полукруг второго – более крупного, чуть меньшего размера, чем земная Луна, но с бледно-голубым свечением.

Облаченные в тяжелую экзоброню, бойцы дисциплинированно ждали сигнала от главы разведгруппы. Звездный берет – лучший из лучших, цвет и опора астродесанта – сделав первый шаг на пружинящую незнакомую поверхность, для начала обругал планету последними

словами. Следом – разумеется, не вслух – себя самого, понимая, что не таких комментариев наверху ждут ученые, и только потом отдал приказ. Вольность он допустил от неожиданности конечно: эволюционная эстетика кремнийорганического мира оказалась... сложной для мышления человека, привыкшего к одуванчикам, деревьям и кошкам.

Сквозь заросли полупрозрачной, хрустально-изумрудной травы виднелись темно-шоколадные стволы кустарников, и в свете поднимающейся звезды было видно, как ее лучи дробятся в текстуре коры на фрактальные симметричные и асимметричные отблески. Из-под ног десантников прыснули сферические тельца на ножках, и бойцы с трудом подавили рефлекторное желание не то выстрелить, не то нырнуть обратно в посадочный модуль, а некоторые – и перекреститься.

Мимо пронеслось, топоча и фыркая, стадо сюрреалистических животных – многоногие шарикоподшипники, невообразимой тягой сцепленные между собой тонкой перемычкой. По обоим бокам тварей щерились темными провалами пасти, обрамленные непрерывно шевелящимися коротенькими суставчатыми щупальцами. Из зарослей нежно-зеленоватого хрупкого травяного моря чувства людей одновременно атаковали непривычные цвета, скрипы, свисты, шелест, скрежет, щелканье и чувство легкости – гравитация немного отличалась от земной. Над астродесанниками пролетали гигантские, отливающие под точкой восходящего блекло-голубого солнца нежной синевой летучие создания, смахивающие одновременно на скатов-мант и исполинских бабочек.

Жизнь вокруг чужеродного планете элемента постепенно успокаивалась, присматриваясь и принохиваясь, и уже почти вознамерилась попробовать на вкус, как время первого знакомства вышло, и командир завел бойцов в спасительные недра посадочного модуля и его привычный скупой интерьер.

Первый шок прошел довольно быстро, и люди, засучив рукава, приступили к работе. После месяца упорного посменного труда они смогли возвести на месте высадки прочный четырехметровый забор, оснащенный по периметру инфразвуковыми отпугивателями, поставить внутри относительно безопасной территории жилые и вспомогательные модуль-блоки, наладить работу водородных генераторов энергии и в целом быт зачатка колонии.

Закипела рутинная работа: дроны, запущенные с поправкой на особенности атмосферы, исправно приносили повторные пробы земли, воды и воздуха, отлавливали животных и отщипывали кусочки растений. Но специалистов катастрофически не хватало, техника, управляемая искусственным интеллектом, гибла в объятиях гостеприимства кремнийорганического мира, а если ей управляли операторы, они не всегда вовремя реагировали на поползновения некоторых представителей фауны попробовать на зуб раздражающий предмет. Людей пускать изучать реалии планеты, полной непредсказуемых эффектов и искреннего интереса ее обитателей к пришельцам, руководство экспедиции пока не собиралось, да те и не особо рвались.

Ученый отложил в сторону пинцет, которым препарировал маленькую серо-зеленую в голубую крапинку сферическую зверушку на отдельные составляющие, поправил очки в прямоугольной оправе и глубоко задумался. С одной стороны, он понимал, что успех миссии очевиден – новый, шестой по счету мир пригоден для жизни и колонизации. С другой – он не мог представить себе, как совладать с буйством последствий кремнийорганической эволюции так, чтобы и жизнь на планете не угробить в угоду человеку, и полноценную колонию развернуть.

Его подручные лаборанты подобались весьма своеобразно: классические субтильные субъекты от науки, невероятно талантливые в своих областях знаний, но совершенно неприспособленные к общению с живой природой. Мощь интеллекта почему-то не оказалась равна силе мышц. С военными все было с точностью до наоборот – эти воспринимали демонстративную экстравагантность планеты как личное оскорбление и соревновались в стрельбе на скорость, собирая невероятное количество трофеев из особо настойчивых экземпляров дикой природы в ущерб наблюдению и познанию. Где-то было потеряно промежуточное звено: кто-то

сильный, но умный, тренированный, но живой и любопытный. И ученого сей факт неимоверно тяготил. Настолько, что в один прекрасный момент он не выдержал и пошел к руководителю экспедиции жаловаться на столь бесцельно и паскудно прожигаемое время.

– Я уже об этом подумал, – хитро ухмыльнулся импозантный седовласый джентльмен. – Точнее, не только я. Просто подождите немного. Пожалуйста. Я уверен, вы не будете разочарованы.

Глава 1

Звякнул вызов смарта, и я принял звонок. На голограмме появилась прекрасная валькирия, не отступающая от своих привычек – исключительно в рамках деловой проекции, по край ключиц, и я в который раз залюбовался чуть курносым носиком, аккуратной линией губ, выразительными светло-кариими глазами и светло-медного цвета с бронзовым отливом косой, перекинутой через плечо вперед. Если бы я не был противником служебных романов, я бы долго не думал, честное слово.

Макс посмотрела на меня с видом оскорбленной фотомодели – обиженно и чуть брезгливо, и я успел уже испугаться, что чем-то ее прогневил, но тут она озвучила причину недовольства.

– Чез, тут начальство требуют. Приедешь?

Я несколько напрягся: такие случаи бывали, всем не угодишь, но нечасто.

– А что случилось?

Макс поморщилась и пояснила:

– Окно прорубили, и недовольны, – и почти жалобно добавила: – Приезжай, а?

– Приеду.

Я влез в оружейный сейф, достал иглы и рассовал боезапас по запасным магазинам. Бронбойные с красной отметкой под руку, разрывные, с черной, подальше, с синей отметкой и парализующим сердечником – заряжаем в игломет и досылаем первую в ствол. Картина маслом: суровый первопроходец едет охранять беззащитных колонистов. Выскочив из кабинета, я ссыпался с третьего этажа нашего офиса и стрелой понесся к стоянке, прыгнул в свой флаер и полетел по координатам смарта Макс, в пятый сектор, где в Шестой колонии жили физики.

Уже подлетая к расширенному жилому модуль-блоку, я понял, что придется нелегко: у входа в дом стеной стояла моя почти заместительница, оплот стойкости и выдержки, а о ее прочность, как волны о скалу, билась, потрясая бумажками, почтенная рыжеволосая дама в возрасте. За домом виднелся разрыв в защитном куполе колонии, его караулили первопроходцы-оперативники, Али и Уилл, рядом с ними вилась тройка новичков-стажеров, периодически тыкая в дыру иглометами.

Сути претензий дамы я не слышал, но мог представить – у некоторых людей патологическое кверулянтство входит в состав ДНК отдельным геном. Такой социотип я недолюбливал еще больше, чем восторженных фанатов – эти хотя бы просто за первопроходцами хвостиком ходят, раздражает, но не критично. Но работать приходилось с разным контингентом, и я, глубоко вдохнув, настроил себя на длительный и бессмысленный разговор.

Посадив флаер рядом с конфликтной точкой, я степенно вышел из кабины и приблизился к спорящим.

– Добрый день, – нейтрально-дружелюбно начал я и был ожидаемо прерван.

– Какой же он добрый, ваши вандалы потоптали мои розы, а площадка для пикника... – рыжеволосая дама на секунду задохнулась от праведного возмущения, и я смог вклиниться в поток ее рассуждений.

– Давайте начнем с начала. Во-первых, предъявите документы, – я не мог не поиграть в стража порядка, хотя правоохранительные органы и их доблестные сотрудники в лице колониальной полиции в колонии уже более года как имелись. – Ваша личная карточка, рабочее разрешение на въезд в Шестую колонию или приглашение от родственников, справка от карантинного контроля с разрешением на ввоз неэндемичной растительности... – Когда надо, я умел быть полным бюрократическим занудой.

Дама несколько растерялась, затем, сердито насупившись, метнулась в дом за бумагами. Макс облегченно выдохнула, и я повернулся к ней.

– Рассказывай.

Макс покосилась на дом, на меня, на ребят и вполголоса доложила обстановку.

– Короче, мадам приехала по приглашению племянника, как ты понимаешь, физика. Привезла с собой букет роз, заявила их как подарок, но по факту развела цветник на заднем дворе. А вот откуда взялся разрыв, мы пока не поняли. Но живность чертометом оттуда прет, надо будет карантинной службе звонить, ксенозоологам, отлову... – Макс обреченно зажмурилась, а я на секунду порадовался, что скоро уеду в командировку. Пока я тихо улыбался, она несильно ткнула меня кулаком в живот и пояснила: – Слишком у тебя счастливое выражение лица. Ты что, с геологами в экспедицию идешь?

– Да, – ухмыльнулся я. – На днях мы выезжаем, завтра буду сроки согласовывать.

– Кто – мы? – заинтересованно уставилась на меня моя правая рука.

– Ну как. Я, Роман, Уилл, интровертов-неразлучников возьму, еще пара научных точно на хвост сядет.

Макс разочарованно пихнула меня в плечо:

– Самый цвет у меня отобрал. Хотя бы Али оставишь, и то хорошо.

– Не дерись, а то укушу. – Я был настроен благодушно.

– А ты попробуй дотянись! – Макс уже заняла боевую стойку, надеясь на легкий спарринг, и тут возле дома к моему флаеру и машине Макс присоединился выдавший виды летательный аппарат, который и флаером-то можно было назвать с натяжкой, – какая-то старая модель.

Из него выбрался рослый кряжистый мужик лет тридцати пяти-сорока, в легкомысленной гавайке и летних полотняных штанах, в сандалиях на босу ногу, со специфическим загаром, обветренным по шею лицом и основательной небритостью. Растрепанные светлые волосы, размах плеч и голубые глаза говорили о том, что в глубине веков его предки, потрясая топорами и вознося хвалу одноглазому богу, приводили в трепет половину Европы.

– Доброго дня, уважаемые первопроходцы! – миролюбиво поздоровался физик. – Чем обязан столь пристальному вниманию?

– Доброго! – я развернулся к мужчине, внимательно его оглядел и спросил: – Долгая экспедиция была?

Физик почесал роскошную растительность на лице, и вдруг пристально посмотрел мне в глаза, чуть наклонившись. В его взгляде я увидел смесь беспокойства и по-детски восторженного интереса, будто к нему на огонек заглянул не я, а любимый супергерой.

– Вы же Честер Уайз, верно? – ответил он вопросом на вопрос. Я чуть пожал плечами – привык к тому, что внешность у меня узнаваемая, а в первой волне колонистов так и вовсе знакома чуть ли не лично каждому.

– Да. Так вот, пока вы отсутствовали, ваша тетушка организовала на заднем дворе клумбу с розами и разрыв защиты. Потрясающие таланты, их бы в конструктивное русло. Теперь нам с вами надо разобраться, как она смогла пробиться за купол, зачем и что теперь делать.

Физик с неохотой оторвался от созерцания моей физиономии.

– Простите, я просто всегда мечтал с вами познакомиться, но не таким вот, – он обвел пространство рукой, а в окне за занавеской мелькнул и спрятался обратно в безопасную темноту дома острый нос в обрамлении рыжих локонов, – не самым приятным образом.

– Чем моя скромная персона вас так заинтересовала? – смущенно полюбопытствовал я и, почувствовав себя неловко, сцепил руки за спиной, не зная, куда их девать.

– О вашей работе легенды ходят, и о вас – особенно. Простите, не представился, Эйнар. – Мужчина протянул руку, и я с удовольствием ответил. Рука у него оказалась грубой, твердой и сильной, как и подобает истинному потомку норманнов. – Меня не было три недели, вот, оставил дом и кошку на тетушку. Я знал, что она у меня особа деятельная, но чтобы настолько... – физик сокрушенно покачал головой.

Мне жутко хотелось узнать, что за легендами обросли я и мои ребята, но спрашивать постеснялся и, приветственно улыбнувшись, произнес:

– Пойдемте, посмотрим на масштабы бедствия.

Мы прошли сквозь ухоженный палисадник, полный хрупких полупрозрачных представителей местной флоры, и, зайдя на задний двор, остановились перед источником беспокойства всего жилого сектора.

На самом краю разрыва, на заботливо взрыхленной клумбе пламенел алыми бутонами полутораметровый розовый куст, разительно отличающийся насыщенной цветовой гаммой зелени и будущих цветов от осторожной хрупкой красоты растений Шестого мира.

– Три недели, говорите, интересно... А букет вам тетушка когда привезла? – я созерцал куст с нездоровым предчувствием неприятностей.

– Вот три недели назад и привезла. Я не понял, правда, за что мне столь изысканный подарок, я же не прекрасная девушка, – и Эйнар покосился в сторону Макс, молчаливой тенью скользящей за нами. Она зарделась, а я почувствовал легкий укол ревности, который загнал подальше. Вот еще, не хватало мне собственных сотрудников к незнакомым физикам ревновать. – Но документы все были в порядке. Приехала она по моему пригласительному, букет на карантине обработали, справку дали, все как полагается.

– Только никто не подумал, что розы прекрасно размножаются черенкованием, – закончил за него я. – Но почему так быстро? Кстати, вы говорили о кошке.

– Да, Мира, я ее с Пятой колонии привез, стерилизована, чипирована, – отчитался Эйнар.

– Покажете? – с неподдельным восторгом попросил я, невольно начиная улыбаться. Эти кошки – особенные, и я не видел их вживую никогда, но всегда очень хотел. И упустить такую диковинку я не мог! Эйнар расплылся в ответной улыбке и махнул в сторону двери, ведущей в дом со двора.

– Конечно! Только сейчас день, она спит и может быть немного не приветливой.

Особенность Пятого мира была в том, что у планеты оказался крайне долгий период вращения вокруг своей оси – порядка 350 земных дней, а в тот момент, когда на планете наступает условный день, длящийся около 170 суток, звезда частично или полностью закрыта крупным спутником, и по факту тепло мир получал, а вот свет – не очень, и жизнь на нем сформировалась преимущественно приспособленная к темноте.

Четырехухие кошки Пятой колонии, насколько я знал, удивительные, почти сказочные существа, и мне предстояло убедиться в этом лично. Чуть не подпрыгивая от предвкушения, я зашел за Эйнаром в полумрак дома и тут же увидел в кресле чудесное создание.

Кошка действительно спала, ее крупные уши заканчивались кисточками, а там, где у обычных кошек небольшая кожно-хрящевая складка – кармашек Генри – у Миры виднелась вторая пара ушей поменьше. Получался этакий кошачий цветочек – огромные уши с поперечными хрящевыми полосками, концентрирующими собственный ультразвук, вторые ушки, отвечающие за звуки в нижнем диапазоне, и вся эта красота – в окружении немыслимого количества вибриссов.

Серебристо-серая кошка зевнула во весь рот, обнажив пасть с белоснежными зубками, лениво защелкала, издавая ультразвуковые волны, чтобы убедиться, что пришел хозяин, и открыла глаза. Огромные, как у земных лемунов, невероятного темно-синего цвета с фиолетовыми прожилками, и сузившимся от света вертикальным зрачком, они прошлись по моей скромной персоне. Судя по всему, я кошке не очень понравился, и она, прыгнув с кресла, взметнула длинным хвостом и неторопливо удалилась куда-то.

– Красавица! – с искренним восхищением похвалил я кошку, и Эйнар немедленно просиял.

– Да, Мира у меня особенная. – В голосе физика слышалось неподдельное тепло, и я порадовался за питомицу. Проблема ввоза домашних животных в Шестой мир была отдельной

болевой точкой. Местную живность приручать пока никто не пробовал, а бесконтрольно завозить в полностью эндемичный мир кошек или собак было смерти подобно.

Вроде колонисты это понимали, но и без пушистого друга многим было в новом мире неуютно, и приходилось идти на компромиссы вроде обязательного чипирования, стерилизации или кастрации и конских штрафов за безнадзорных и потеряшек. Пока экспансию чужеродных для этого мира животных и растений удавалось контролировать, но надолго ли это... как показала практика – не очень.

Я вздохнул и поманил Эйнара обратно во двор.

– Куст придется убрать. А вот как быть с дырой...

– Может, договоримся? – физик, представивший размер финансовых вложений, компенсирующих тетушкину активность, с надеждой на меня посмотрел, и мне пришлось собраться, и стать как можно серьезнее.

– Эйнар, – начал я с интонацией ректора, объясняющего незадачливому студенту, что шутки кончились, и отчисление неизбежно. – Из разрыва в безопасное пространство колонии могут попасть не только крупные хищники, но и мелкие ядовитые насекомые. Если для вас не так важны жизни колонистов, то подумайте о тете. Она же первый рубеж на пути всякого летающего и ползающего. А в сам разрыв может убежать ваша Мира. Долго ли она проживет снаружи? – я кивнул на колеблющиеся лохмотья защитной пленки: за ней виднелось море острых стеблей ломкой травы, среди которых что-то щелкало, трещало и шевелилось. – Договориться мы сможем только по одному пункту – оставить вашу тетушку или депортировать ее за вредительство колонии. Куст мы уберем, разрыв закроем, штрафы тоже придется выплатить, порядка не я придумывал. И позовите, пожалуйста, виновницу беспокойства, мне надо задать ей пару вопросов.

Эйнар вздохнул, смиряясь с неизбежным. И тоскливо произнес:

– Да, вы правы. Знаете, я думал... а, неважно. – Он махнул рукой и ушел, а мне оставалось только раздать ценные указания.

Пока ребята латали дыру, попутно показывая новичкам технику работы с наноструктурой защиты: как латать прорехи, чем зашивать отсутствующие куски и как программировать, физик вернулся в сопровождении воинственно настроенной пожилой дамы.

– Леди, – внимательно и строго посмотрев на рыжую интриганку, я постарался донести до ее понимания важность ситуации. – Вы нарушили обязательные порядки пребывания в Шестой колонии. Вы занимаетесь несанкционированным растениеводством, ослабляете защиту безопасного пространства вашего жилого сектора и подвергаете опасности свою жизнь и жизнь других колонистов. Понимаете?

Рыжая покаянно вздохнула, но следов раскаяния я не почувствовал. Значит, у нее в рукаве припасена еще пара черенков, семена карантин бы точно не пропустил.

– Как вы смогли прорвать защиту? – уточнил я.

Леди хитро взглянула на меня исподлобья и произнесла только одно слово:

– Дихлофос.

Я так и знал! В попытке защитить свои драгоценные розочки гиперактивная дама прыскала на куст – и на защитный купол, и, мне кажется, не очень переживала, когда появилась первая брешь, ведь дыры размером со взрослую скорпику вряд ли возможно добиться за одно случайное обрызгивание. Неспроста вокруг разрыва очень мало инсектоидов: чувствуют стойкий чужеродный запах и опасаются соваться.

В дихлофосном открытии были свои плюсы и свои минусы: с одной стороны, теперь я знал, что фауна Шестого боится банального инсектицида, и вряд ли утечка под купол была хоть сколько-нибудь значимой. С другой – ну как, как? Высокотехнологичная наноструктура защитной пленки, которая выдерживает перепады температуры, воздействие чужеродных газов и настроена на пропуск только безопасных видов зверья – и дихлофос! Тайвин будет в восторге,

надо будет позвонить и рассказать. А лучше прийти лично, на реакцию нашего штатного гения будет любо-дорого взглянуть.

– Понятно. Если вы нарушите установленный порядок повторно, я буду вынужден вас депортировать. – Дама вскинула голову и уже вдохнула воздух, чтобы задорно со мной поругаться, как была прервана племянником.

– Тетя Эмма, уважаемый первопроходец прав. Нельзя просто так взять и посадить розы там, где они миллионами лет никогда не росли.

Тетушка, поняв, что сопротивление бесполезно, молча вынула из рук Эйнара остаток злосчастного букета, прихваченного физиком из домашней вазы по пути, и отдала мне. Все черенки были усеяны корнями, и женщина, грустно поглядев на остаток недостижимой больше цветочной роскоши, перевела наливающийся слезами взгляд на меня.

– Я просто хотела немного красоты. Здесь все такое... блеклое, – прошептала она.

Повинуясь внезапному порыву, я встал на одно колено, взял ее ладонь в руку и, глядя снизу вверх, посоветовал:

– А вы обратите внимание на красоту этого мира. Роза – царица среди земных цветов, а вот здешнюю монаршую особу пока никто не видел. Может, вы нам ее и найдете?

Дама слегка покраснела от смущения, осторожно вынула руку и пообещала:

– Я попробую, спасибо.

Теперь я ощущал идущие от нее флюиды понимания, стыда и надежды на то, что все обойдется малой кровью. Она благодарно улыбнулась нам, и ушла в дом.

– Мы закончили, – рядом материализовалась Макс, подошедшая почти бесшумно. – Сейчас специалистов вызовем, и можно ехать.

Встав с колена, я поймал на себе взгляд племянника.

– Эйнар, – обратился я к молчаливой статуе физика. – Думаю, большую часть штрафов вам не придется оплачивать, проведем списание под грант испытаний безопасности купола. Дихлофос, кто бы мог подумать, – я изумленно покачал головой. – Но вы, пожалуйста, следите за порядком в своем доме.

– Конечно, – серьезно и ответственно сказал физик. И, помолчав, добавил: – Теперь я точно знаю, что иногда легенды оказываются правдой.

– Вы о чем? – недоуменно переспросил я, но Эйнар лишь хитро улыбнулся и, протянув крупную сильную руку, еще раз сжал мою ладонь.

– Спасибо, Честер. Пойду поговорю с ней, – развернулся и ушел.

– Макс? – я, оставшись в недоумении, развернулся к помощнице. – Он это о чем?

– Думаю, он это про слухи про тебя и про нас в общем, – хихикнула Макс. – Не смотри на меня так, я сплетни не собираю, но мне тоже интересно. Поспрашиваю.

Мы вернулись в офис, и в наше небольшое трехэтажное здание я не просто вбежал – влетел едва ли не на крылышках, мигом взобравшись на третий этаж, и с порога завернул под удивленными взглядами коллег не к себе, а в святая святых – обитель белых халатов под руководством нашего штатного гения.

Тайвин всегда аккуратен и собран, никаких засаленных халатов и шальных глаз, растрепанной головы и сумбурной речи. Словом, гений нашей конторы под киношные стереотипы, прямо скажем, совсем не подходит. Разве только иногда увлекается до маниакальных огоньков в глазах, но так бывает нечасто. Чаще в его репертуаре деловые костюмы с идеально отглаженными рубашками и стрелками на брюках, поверх костюма – сияющий белизной медицинский халат. Носит ученый узкие очки с прямоугольной тонкой оправой, правильно сочетающейся с тонкими чертами лица, длинные каштановые волосы забраны в хвост, чисто выбрит, и сам он – воплощение стерильности. Если бы я умел рисовать, и меня попросили изобразить человеческую ипостась скальпеля – я бы Тайвина и запечатлел.

Но один пунктик у ученого есть – если он видит непрофессионализм, пыль, небрежность в работе, он немедленно бледнеет (от возмущения краснеют только скулы), и начинает громко отчитывать нерадивый персонал, не стесняясь в выражениях. Клянусь, первое время я даже записывал! Только он, зараза очкастая, заметил, и с тех пор исключительно вежлив, а жалко, такие перлы пропали.

Распахнув дверь в лабораторию, я поприветствовал научный состав Корпуса первопроходцев и вломился к Тайвину в кабинет. Тот, чрезвычайно чем-то занятый, не поднимая головы от микросхемы, над которой он сосредоточенно колдовал с микроплазменным паяльником, раздраженно посоветовал:

– Дверь прикройте, желательно с той стороны.

Я не стал обижаться и радостно сообщил:

– Тайвин! У меня к вам дело на миллион!

– А, это вы... на миллион чего?

– А какой валютный год сейчас?

– Вроде был долларовой... – ученый пребывал в некоторой растерянности.

Валютные года на Земле распределились между десяткой крупнейших мегалополисов, и их смена базировалась на мне непонятных экономических механизмах, поэтому четкой регламентации, когда одна валюта сменит другую, не существовало, и в колониях регулярно путались и принимали любой вид электронных платежей с незначительными колебаниями в курсе конвертации.

– Значит, на миллион баксов! – я был весел и жизнерадостен, чем, очевидно, Тайвина невероятно раздражал. Но сделать ни он, ни я с моим лучезарным настроением ничего не могли, поэтому я милостиво спускал колкости с его стороны на тормозах, а он особо не усердствовал. – Короче. Что вы знаете про дихлофос?

– Дихлофос? – ученый удивился настолько, что соизволил на меня посмотреть. – Инсектицид такой... фосфорорганический, кажется. Его давно уже не используют. А что?

– А то, – внутренне предвкушая реакцию, оповестил я, – что дихлофос на ура справился с вашим нанопротекторным куполом.

И я продемонстрировал запись выезда на вызов. Взмущенный Тайвин, меняясь в лице, под конец фрагмента чуть ли не шипел сквозь зубы.

– Это ж надо было догадаться! Честер, вам никогда не казалось, что вокруг одни идиоты, и я в том числе?

– Нет, – застенчиво ответил я. – Мне не хочется ни вас, ни себя упрекать в идиотизме, ни наших подчиненных, ни колонистов. Откуда вам или им было знать, что вещество, не производящееся уже сколько там десятилетий, вдруг окажется потенциально опасным для защитного купола?

– Я должен был хотя бы подумать! – на ученого жалко было смотреть, он готов был себя сгрызть за допущенную ошибку. – Хотя... я конструировал основной узел производства нани-тов на электротонической основе, а дихлофос всего лишь блокирует нормальную работу ацетилхолинэстеразы, это никак... Стоп. А вы мне само средство не привезли?

– Конечно, привез. – Я выложил перед ним на стол яркий аэрозольный баллончик, слегка подъеденный ржавчиной. Тайвин тут же схватил упаковку и принялся, сосредоточенно нахмурившись, вчитываться в состав.

– Пиретрины, – удовлетворенно кивнул он. – Так я и думал. Блокируют передачу электроимпульса. Это уже проще. Вот подлость, потребителям нравится звонкое словечко, а производителям и плевать, фосфорный там инсектицид, на основе хлора или циклопропановые эфиры, как тут, покупают-то все равно дихлофос. Не возражаете, если я займусь работой?

– Нет, если вы мне подпишете акт о списании штрафов в счет гранта по испытаниям безопасности купола.

– Что? Вы этим вредителям предлагаете еще и грант выдать? А что-нибудь поперек у них не треснет? – поинтересовался уязвленный гений, на скулах которого медленно разгорались алые пятна – признак надвигающейся бури.

– Но вам же это поможет, правда? Значит, мы можем себе позволить такой финт ушами, – миролюбиво заметил я.

Тайвин поморщился.

– Выраженьица у вас... Ладно, подпишу. Еще что хорошего сегодня случилось?

– Еще тот розовый куст за три недели вырос. Вам не кажется, что это ненормально? – я выложил перед ним на стол тетушкины черенки и счел свой долг перед наукой на сегодня выполненным: – Я могу идти?

– Идите, идите, куст я ботаникам отдам и почвоведом, пусть поработают. – махнул на меня рукой ученый и обратил все внимание на баллончик с дихлофосом, а я пошел к себе.

Среди моих подчиненных, обитавших через коридор от ученых, царило оживленное веселье. По центру просторного светлого офиса на основной переговорный стол взгромоздилась Макс и вещала что-то, вызывавшее взрывы гомерического хохота.

– О, а вот и герой дня! – ко мне подскочил Али, первопроходец с характерным профилем и сопутствующим акцентом выходца с соплеменных моему Девятому, Московскому, мегалополису гор. – Макс, давай сначала!

Та хихикнула в кулачок и, оглядевшись, переспросила:

– Все согласны?

Ребята закивали, и я невольно заулыбался, предвкушая хохму.

– Так вот. Чез, я тебя поздравляю!

– С чем?

– Ты внебрачный сын руководителя колонии!

Я, давая улыбку, поинтересовался:

– А он об этом хотя бы знает?

– Конечно, нет!

Понятно, пока я ходил к Тайвину, моя правая рука сбегала к аналитикам и собрала про меня порцию свежих сплетен. Я представил себе «радостное» лицо полковника Вернера и хмыкнул.

– И кто сообщит ему прекрасную весть об отцовстве?

– Твоя задница, конечно! – прыснула Макс, и мы по ее примеру расселись по столам и пару минут с удовольствием обсуждали на каком месте этой моей выдающейся части тела и какой формы должно быть родимое пятно, чтоб меня официально усыновили.

– Так. А еще что говорят? – полюбопытствовал я.

– Что ты дал совершенно неприличных размеров взятку за свою должность, и за тебя все делаем на самом деле мы, а ты так, лицо фирмы. А, да, ты андроид, потому что тебя не подкупишь, и вообще, слишком ты правильный, люди такими не бывают. Еще говорят, что у нас тут свальный грех и единое семейство с тобой во главе. Из менее безобидного – что у тебя есть муж, которого ты держишь дома в подвале и никому не показываешь. – На этом моменте Макс заинтересованно покосилась на меня и аккуратным движением заправила выбившуюся прядку волос за ухо.

Я фыркнул.

– Ну-ну. Андроид и свальный грех – это мощно! А вот когда это я успел себе под жилым блоком подвал выкопать, интересно мне знать? А мужа у меня отродясь не было, я давно и прочно женат.

– На ком? – с еле заметной ухмылкой спросил Роман.

– На работе, конечно, – с важным видом пояснил я. Ребята в ответ заулыбались. Тема семьи среди нас была неприкосновенным табу: работа на работе, дом – дома.

На этой оптимистичной ноте к нам незаметно подкрался шеф, и мы дисциплинированно поспрыгивали со столов, готовые к указаниям.

– А еще мне рассказывали, что вы, Честер, продали душу дьяволу. Поэтому у вас и Корпуса получается все как по маслу.

Ребята расслабились, посыпались отдельные смешки. Я же в изумлении поднял брови и помотал головой.

– Быть того не может. Серьезно? Кому-то завидно, что ли, что меня аж нечистому сосватали?

– Серьезно. И, вполне может быть, вскоре вам придется столкнуться с такой... позицией.

Я поскучнел, памятуя об одной из заявок. Да, сопровождение первопроходцами экспедиций за защитный купол – часть быта и жизни колонии, но кто сказал, что мы одинаково охотно ходим со всеми подряд?

– Не самая радужная перспектива, хочу заметить.

– И я о том же, – отметил шеф. – Но неотвратимая.

– Я понял. – Я подал знак, бойцы разошлись по своим местам, а я пошел к себе в кабинет планировать экспедицию с геологами.

Интересная у меня все-таки работа – и не ученый, и не военный, не то предводитель отважных могучих рейнджеров, не то главный заводила в компании таких же ушибленных на голову энтузиастов. Человечество успело освоить к середине двадцать третьего века пять пригодных для жизни миров, но все они, в отличие от Шестого, были так или иначе похожи на родную Землю, на Пятом вон и кошки водились, правда, о четырех ушах. И колонизация предыдущих пяти экзопланет принципиально не отличалась от освоения диких земель на Земле в стародавние времена составления карт и великих открытий. А вот Шестой оказался орешком покрепче, и тогда было принято решение создать команду первопроходцев. Нас. И главной нашей задачей стало досконально изучить все опасности и возможности нового мира и подготовить площадку для его колонизации.

А я до сих пор отчаянно изумлялся, кто меня пустил на ответственную руководящую должность и дал под мое разгильдяйское управление пятнадцать первопроходцев высшего уровня подготовки. Началось все с моей скромной персоны – точнее, не лично с меня, а с моей статьи. Точнее, не совсем моей...

Интерлюдия 1. Начало начал

Стремление моих родителей отдать мне бразды правления и обеспечить самостоятельностью с малых лет, вышло и мне, и им немного боком. Я привык доводить до конца только те дела, которые мне приходились по душе, а от остальных отказывался. А поскольку рос я в искренней любви к науке, природе и жизни человеческой, и оказался созданием с повышенной пытливостью, то мне не удавалось больше нескольких лет уделять внимание чему-то определенному. Мне всегда хотелось обнять родной мир, заглянуть в каждый его уголок и восхищаться неизведанным, а потом слетать в еще пять миров по очереди, и проделать то же самое.

Но эта непоседливость вкупе с хорошо развитой интуицией, которой я втайне гордился, не давала мне вписываться в рамки общества с его требованиями не скакать по верхам наук, а спокойно и последовательно получить образование и найти место в жизни, что категорически претило моему естеству. Так я с грехом пополам закончил музыкальную школу, начал и бросил два высших образования, посещал великое множество разных секций и кружков, но нигде надолго не задерживался.

Не только потому, что чувствовал себя не на своем месте, но и потому, что периодически наткался на уважаемых академиков с потрясающей чушью в голове. А поскольку я категорически глупость не переносил на вид, вкус, цвет, запах и слова, то физически не мог заставить себя уважать степенного ученого мужа, который сегодня нам рассказывал основы цитологии, а завтра – про то, как в подземном бункере выращивают генномодифицированные помидоры, чтобы потом с их помощью понизить общий уровень интеллекта на планете и ввести режим интеллектуальной плутократии. Мне казалось, что в этот момент понижается градус интеллекта непосредственно в аудитории. Это приводило к досадным войнам с ветряными мельницами, где я ожидаемо проигрывал, но промолчать по молодой глупости все равно не мог. Умению отделить заблуждения человека от его знаний и полезных навыков, что я мог бы от него получить, я научился глубоко потом. Так я в итоге к совершеннолетию оказался гордым обладателем кучки разных грамот и поощрений, двух справок с перечнем предметов, которые я смог относительно глубоко изучить, и раздолбайского характера.

Друзей у меня почти не было, зато была куча знакомых, через которых я устроился сначала на подработку по проверке научных статей на предмет поиска обычных языковых описок, а потом мне начали доверять поиск и фактических ошибок – и я относительно неплохо с этим справлялся. Потом кто-то заказал мне полное переписывание статьи, и вот я стал писать работы за нерадивых студюзов. Такой своеобразный формат обучения мне понравился, и я бы так дальше продолжил жить, узнавать новое и зарабатывать, если бы не один случай.

Однажды мне досталась творческая работа для аспиранта по ксенозоологии – описать животное, которое могло бы существовать на другой планете, причем включить его в биогеоценоз, а это означало, придумав его, не забыть описать, где и как оно живет, чем питается, кого боится, как размножается.

Я подключил фантазию, полазил по инфосети, вспомнил свои познания в мифологии – и содрал почти подчистую мантикору у древних греков. Только сделал ее инсектоидного типа и на кремнийорганической основе. Описал джунгли, где она может жить – а где еще жить полунасекомой тварюшке? – ее повадки, брачные игры, ползучесть, бронированность и ядовитость, а потом разошелся и придумал ей теплокровную пару – ложную скорпикору, мимикрирующую под скорпикору настоящую, чтоб не обижали те, для кого она по зубам.

Спустя месяц я узнаю, что открыта новая экзопланета, и первые пробы и снимки, что оттуда приехали, намекали на то, чего не может быть – кремнийорганическую жизнь. Разумных существ ученые не обещали, но сам факт случайного совпадения вольного полета моей буйной фантазии и слухов вокруг нового мира меня взбудоражил. Я тут же начал хотеть туда попасть,

всеми правдами и неправдами. А вдруг я и остальное угадал? Мне позарез требовалось это проверить! Я, может, всю жизнь мечтал, чтобы новый вид животных моим именем назвали, а тут такая шикарная возможность, а я не при делах. Я чуть не сдался и не написал аспиранту Салливану с просьбой включить в статью и мое имя как соавтора, но засомневался. Куда я полезу, недоучка, человек без диплома?

Так что высовываться я не собирался, понимая, что ситуация что для меня, что для ученого щекотливая. Хотя с Салливаном, как и со многими другими заказчиками, ситуация была вполне понятная – вечная занятость. Он мог сделать статью и сам, не обязательно было ко мне обращаться. Но откуда перспективному аспиранту-ксенозоологу взять время на выполнение эссе на уровне «поди, придумай задание для школьной олимпиады по биологии»? Тем более, скоро, может быть, первые животные с новой планеты приедут, и его, времени в смысле, совсем у человека не будет. Моя незримая помощь оказалась неоценима, вот только со мной эта теневая деятельность сыграла злую шутку – что с того, что я оказался прав? Салливан мое эссе порядком переделал, и с него отличный старт получит, а я... что ж, пригожусь еще где-нибудь.

Так что свои надежды я запихнул в глубину души, только иногда в кругу друзей, особенно когда после переизбытка возлияний доходило до душевных излияний, нет-нет да и шутил о том, что так хотел бы в другом мире побывать, что один практически под себя создал. И вот сидим мы с Димычем, давнишним моим знакомым, на лобном месте любой посиделки – на кухне, и я жалуюсь ему на свое неумное любопытство, на злополучное эссе и на неистребимое стремление высунуть нос в космос и чуточку подальше.

– А когда это было? – Димыч с интересом уставился на меня и задымил новомодным экологичным устройством для курильщиков.

– Месяца два или три назад я этому красавцу эссе наваял, а месяц назад новую потенциальную колонию презентовали. – Я подпер голову рукой, как заправская Аленушка на берегу реки, где она Иванушку своего потеряла, и грустно посмотрел на бокал с вином. Из комнаты рядом раздавались взрывы хохота – народ с азартом играл в «Крокодила».

– Да-а-а, ситуевина. – Димыч затянулся, пыхнул, и продолжил: – А если ты заявишь о соавторстве?

– Да ну как и, главное, зачем? Я Салливана не заменю на его месте, я ж недоучка, а то, что я один раз что-то угадал, никакого значения не имеет.

На кухню кто-то зашел, но мы были чересчур увлечены беседой, чтобы обратить на него внимание – сюда и так регулярно забежали. Я сначала жалел, что предоставил свою нерезиновую норку под квартирник на три десятка человек, еле уместившихся в довольно просторной на меня одной гостиной, особенно, когда представил, какая мне предстоит завтра уборка. Но потом стало весело, и в целом обстановка складывалась спокойная и позитивная.

– Но ведь право автора не отчуждаемо? – Димыч никак не мог взять в толк, почему я страдаю тихо в уголке, а не громко якаю про кремнийорганику и скорпикору на каждом углу. – В СМИ можно обратиться, на кафедру...

– Димыч, вот представь. Ты в своей засекреченной конторе написал новую программу. Красивую, полезную, не знаю, о чем, например, о влиянии геомагнитных излучений на паучков. Допустим, они чувствуют колебания геомагнитного поля в своей местности, и плетут чуть-чуть другую паутину, чтобы она была прочнее или более мелкаячеистая. И вот твоя программа анализирует, как сегодня паучок паутину сплел, и выдает прогноз на ближайшие сутки о геомагнитной обстановке в конкретной местности, причем на порядок точнее, чем в утренней сводке погоды. Или возле геомагнитной локальной аномалии паучки паутину плетут по-другому, и твоя программа может сразу сказать – о, тут вот руда с железом залегаєт, – я отхлебнул еще глоток вина из тонкостенного бокала, и продолжил. – Работал ты над ней, старался, отдал руководству, зарплату получил. А через месяц оп – и она у всех на смарте стоит. И ты ходишь и думаешь – ну как так-то? А претензии предъявить и некому. Тебе техзадание давали? Давали.

Ты творчески подошел к работе, да, дело твое, но это просто работа. Так и со скорпикорой, точнее, с ложной скорпикорой. Мне дали параметры задания, я его сделал, гонорар получил. И если я пойду качать права, то ничего хорошего не выйдет ни для Салливана, ни для меня. Для него, думаю, ты и так понимаешь – это потеря репутации, гранта, а может, и места в аспирантуре. А для меня – потеря моей рабочей репутации, возврат денег за хорошо сделанную работу, которой я горжусь, хоть и втихую, а в перспективе – чистка морды свежееотломанным кирпичом.

– Эк ты хватил. Не, тут другое... И, кстати, почему ложная?

– А я изначально про ложную писал, только там Салливан часть выкинул, часть изменил... И вообще, может, там нет никаких скорпикор. Все-таки чудес в нашей жизни не всегда дождешься, – и я весело подмигнул Димычу своим кошачьим глазом.

– Извините, меня, пожалуйста, что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что... – вклинился в разговор мужчина в годах с тронутыми сединой волосами.

Я пораженно уставился на него, готовый новоявленному Воланду продать все что угодно, даже злосчастную скорпикору, хоть ложную, хоть настоящую. А вот Димыч, на мое удивление, построжел и вытянулся, словно ему в спину струну вставили и колок провернули. Я немедленно подумал о том, что ко мне на огонек заглянул кто-то важный, но в атмосфере квартирного равенства значения лично для меня это не имело.

– Простите, про Фаммуза и Мардука рассказать не смогу, – сияя, как свеженачищенная монетка, отрапортовал я.

– А про скорпикору поподробнее можете? – подсевший к нам джентльмен чуть склонил голову набок, выказывая искренний интерес к теме.

– Извините, но, наверно, нет. Или если вы мне пообещаете, что рассказ за пределы моей квартиры не выйдет, – сказал я со всей возможной серьезностью, которую смог в себе найти.

– Понимаю, – кивнул незнакомец. – Тогда ознакомьте меня с тем, как вы создали ложную скорпикору.

Я насторожился, чувства подсказывали, что здесь есть подвох, но я в упор не видел, в чем он мог бы заключаться. Да и похвастаться хотелось, не буду привирать.

– Вышло так, что я заинтересовался темой иномирных животных еще в детстве, помните, лет десять назад Пятую колонию создали? – Дождавшись утвердительного кивка, я продолжил: – Так вот, на всех этих планетах так или иначе жизнь формировалась по земному типу, и, хотя встречаются интересные вариации, в целом они довольно точно совпадают с эволюционной линией земной флоры и фауны. Значит, шестой мир по земному типу тоже вряд ли даст что-то непохожее. Это все интересно, но объяснений пока нет, и останавливаться на них не будем. Поэтому, подумав о том, что мир может быть кардинально другим, я полез в мифы и легенды. Для начала – в бестиарий Древней Греции.

– Почему? – приподнял брови этот искusstель.

– Я исходил из простых предпосылок. Возможно, в древности люди были гораздо ближе к природе, чем сейчас. И гораздо ближе к хтоническому началу Вселенной, чем мы в наши дни, рациональные до мозга костей. Я предположил, что человек, который более тонко чувствует природные явления и начала, обладает анимистическими представлениями о ней, то есть одушевляет каждый значимый для себя предмет или явление, теоретически мог бы, как бы это сказать, чтобы прозвучало не по-идиотски... – я пощелкал пальцами, пытаясь сформулировать точнее. – Заглянуть в основы основ. И увидеть там что-то странное.

– Вы имеете в виду, что люди Древнего мира обладали способностью заглядывать в другие миры? – седовласый наморщил лоб, демонстрируя удивление пополам с пренебрежением, дескать, я тут про серьезное, а мне про эзотерику и мифологию.

Для храбрости я отхлебнул чуть ли не половину бокала, и продолжил:

– Примерно так. Но не все, только некоторые. Понятно, я взял это предположение за основу и дальше подумал, что все эти хтонические существа с нижних ярусов подсознания, что можно извлечь из мифологии разных народов, – они же не просто так придуманы. И если большая их часть похожа на попытку дурного биоинженера слепить теплое с мягким – например, приставить к телу человека голову быка, то такие интересные химеры в биологическом смысле, как мантикора, василиск и другие, должны иметь более фундаментальное основание, чем просто сшивка страшного хищника с не менее страшным гадом ползучим. Вот я и подумал, а могла бы потенциально где-то существовать такая мантикора, если ее рассматривать с позиции реального животного? С биологической точки зрения, просто животное, мифы человек уже сам поверх наверх. А дальше... – я разлился соловьем, пересказав эссе в том виде, как его написал я, и остановился только на том, что начал объяснять, какая из скорпикор какая, почему важнее все-таки ложная и в чем суть мимикрии как таковой.

– А про других животных вы тоже могли бы предположить подобное?

Не, ну я как раз недавно об этом думал...

– Вот вы зря меня слушаете, – запнулся я посередине рассказа о том, как могли бы функционировать огнеиспускательные железы дракона, если бы он существовал. – Я так и до пантеона всяких майя и ацтеков доберусь, а там такие дикости водятся, что мне лично было бы страшно и шаг сделать на планете, населенной подобными животными.

– Что вы говорите... А на планете, населенной скорпикорами, не страшно? – поддел незнакомец.

– Нет. Да, вы знаете, – расхрабрился я, чуть подумав. – И по населенной кетцалькоатлями земле я бы прошелся. Интересно же! Но тогда нужна весьма... уверенная компания.

– Это какая?

– Как же, – принялся на ходу придумывать я. – Штук двадцать ребят обученного спецназа. Десяток, нет, лучше пяток, чтоб под ногами не мешались, ученых разной степени гениальности.

– Пряма-таки гениальности? – весело осведомился наш вечерний Воланд.

– Естественно! – меня понесло. – А как же? Для того, чтобы одну зверушку исследовать, наверно, не один институт работает, а тут целая планета, зверье наверняка будет разное всякое, летающее, ползающее, бегающее, микроскопическое, растения, минералы неизвестные. Тут в первую очередь нужны... трапперы. Первопроходцы. Охотники за всем новым, универсальные, осторожные и увлеченные своей работой. Но им без штатного гения не обойтись, хотя бы один обязательно должен быть, на голом энтузиазме новый мир не вывезешь, научная база должна быть. Отсюда нужна еще пара-тройка людей, которые умеют думать, а то ученые думать могут только в своей плоскости, а военные не будут успевать, и без того забот хватит.

– То есть, группа аналитиков.

– Да! Вы меня прекрасно понимаете, – умилился я. – Кто еще... в самой десант-группе кто-то должен знать основы ориентирования на местности, налаживать связь, вести снаряжением, но это могут и бойцы, я слышал, когда на разноцветные береты учат, там и не такое преподают. Наверно, на вылазке больше никто не нужен, но где-то в штабе нужен какой-нибудь снабженец, который по оружию и всяким техническим штукам. И штат медиков.

– Разноцветные береты? Медики? – он явно не поспевал за полетом моей пьяной мысли.

– Я имел в виду, что неважно, из каких войск таких бойцов наберут, важно, чтоб тренированные были, ко всему готовые и, главное, любопытствующие, у которых кроссами и драками природную человеческую тягу к прекрасному не отбили. Медики – а как без них? Вы представьте, сколько по первому времени будет травм. Рельеф незнакомый, неизвестно из чего камни под ногами, норы гигантских инопланетных муравьиных львов и речки кислотные. А вирусы всякие инородные? Зверушки кусачие и ядовитые, растения тоже... недруже-

любные. – Я попытался себе представить цветочек с зубками, не преуспел и обезоруживающе улыбнулся. – А, ладно, вы зря меня всерьез воспринимаете.

– А вы что будете делать? – съязвил седовласый.

– Я? – и тут я задумался. А в самом деле... я не исследователь, не ученый, не боец, так, недоучка. – Буду идейным мотиватором. Всегда нужен такой полезный человек, который будет всех подбадривать, раздавать мотивирующие пинки, вовремя по головке гладить, утешать и говорить что-то такое... теплое и правильное. Это я умею.

– Значит, в руководство хотите, – еще более язвительно отметил мой собеседник.

– Да ну, какой из меня руководитель, вы что. Руководить – это вам нужен уверенный в себе мужик, косая сажень в плечах, но чтоб умный был, природу любил, с людьми разговаривал и правильные решения вовремя принимал. Короче, героический герой. Не знаете, где таких выращивают? А вообще лучшие руководители получаются из наглых троечников со связями, – пошутил я. – Если серьезно, я б туристом поехал. Так я буду в целости и сохранности, никому мешаться не буду и на другой мир посмотрю. Денег где бы только нарисовать на такую экскурсию.

И я мечтательно задумался. И только тут заметил, что за все это время Димыч так и не отмер со своего поста и по едва заметным кивкам седовласого подливал ему сок, а мне – вино. То-то я думаю, почему мир вокруг немного того, шатается?

– Кажется, мы с вами обсудили то, что вас интересует? – вопросительно глянул я на Воланда. – А вы так и не представились и даже со мной не выпили... – кажется, я немного обнаглел, но мне было интересно.

– Уважили старика, – одобрительно засмеялся незнакомец, салютуя мне стаканом с соком и не собираясь представляться.

– Какой же вы старик, – назидательно поднял я палец вверх. – Старики ходят с палочкой и рассказывают о суровой молодости, а у вас хоть голова и в благородной седине, но ум быстр, а движения – как у молодых, – резюмировал я свои наблюдения. – Прошу прощения за столь грубую лесть, мсье Воланд, но меня ждут обязанности предводителя здешней шайки, а то все разнесут, что я завтра делать буду, – и, пошатнувшись, я отправился исполнять хозяйские обязанности: разгонять буйных и укладывать спать тех, кто уже никуда по состоянию нестояния поползти бы не смог.

Собирая по всей гостиной посуду, я краем уха слышал журчание голосов на кухне, потом упругим быстрым шагом оттуда вышел давешний Воланд, коротко мне кивнул и ушел. Димыч выполз из кухни бледный и слегка заторможенный.

– Та-а-ак, признавайся, и кто это был? Твой научник? А он точно не будет распространяться про мою ложную скорпикуру, а то мне еще работать... – я уже с трудом фокусировался, хотелось лечь и заснуть, но пока любопытство пересиливало.

– Начальство это мое, самое высокое. – К Димычу постепенно начал возвращаться нормальный цвет лица. – Ох и повезло же тебе. Или не повезло, это как посмотреть.

– Что ты имеешь в виду? – немедленно заинтересовался я.

– Знаешь, как раз пару месяцев назад, когда статья Салливана вышла, мы ее у себя в отделе обсуждали, и я сказал, что сам он такую дичь придумать бы не смог, кишка тонка, я ж его знаю неплохо, на факультатив по бионике вместе ходили. А тут как раз он мимо проходил, – Димыч сделал многозначительное подчеркивание интонацией фигуры своего работодателя, – и спрашивает, а кто бы смог? Ну, я и сказал, что только одну такую бешеную сову знаю, тебя то есть. Он попросил познакомить при случае, я обещал, что как только – так сразу. И забыл. А тут у тебя квартирник, я и вспомнил, и ему сказал.

– А он и пришел. – Я задумчиво сгрузил посуду в мойку – половину стерилизатор отмое за ночь, остальное с утра сам разберу.

– Угу, – подтвердил Димыч. – Я, честно, не помню, чтоб он кого-то столько времени спрашивал о такой ерунде. Вот и не знаю, повезло тебе или нет, что он тобой заинтересовался.

– Почему ерунде? – почти обиделся я. – Хотя... скорее да, чем нет.

– Страшно мне будет с тобой работать, Чез, – честно сказал Димыч. – Ты же все в бардак и балаган превратишь.

– А, брось, кто меня возьмет, кому я там у тебя нужен, – я душераздирающе зевнул и ушел спать. А жизнь моя тем временем уже кардинально изменилась, хотя я об этом еще не знал.

Глава 2

Следующий день Корпуса первопроходцев начинался как всегда. Я припарковал флаер возле офиса, попытался проскочить мимо пожилого вахтера, но не смог: бдительный дедок меня поймал и прошелся по моей безалаберности – сегодня я забыл причесаться и вместо легкой экзоброни нацепил порядком мятую черно-белую форму первопроходца. Я остановился, подхватив наше негласное шутливое противостояние, и с привычной невозмутимой вежливостью поздоровался: ему приятно, а с меня не убудет.

Неподалеку от входа в Корпус я заметил штатного гения: Тайвин с первым утренним кофе любил посмотреть на ало-фиолетовое рассветное небо и садящиеся флаеры. Я знал, что так он настраивает себя на рабочий лад, и поприветствовал ученого:

– Здравствуйте, Тайвин!

– Доброе утро, Честер, – он протянул мне ладонь. – Вы все еще не желаете пройти коррекцию зрачков?

– Нет, что вы, спасибо, предпочту остаться при своих. Вдруг после пластики потеряется мой исключительный нюх и умение влипать во всякие неприятности? Где я еще найду такую шикарную работу? – дежурно отнекивался я, пожимая ему руку.

– Жаль, жаль...

Генетическая аномалия не стала препятствием для моего появления на свет, хотя врачи определили ее задолго до моего рождения, еще при составлении пренатальной диагностической карты для моих родителей. Но, к радости моего бытия, решили, что небольшое дополнение к кариотипу не приведет к системным отклонениям, как это обычно бывает при синдроме Шмида-Фраккаро, в простонародье говоря – «кошачьего глаза». И, что удивительно, на мой счет они не ошиблись – я обошелся вместо разных неприятных врожденных физических пороков и умственной отсталости просто необычным – светло-чайным, почти оранжевым – цветом глаз и полнофункциональными кошачьими зрачками, что бывает при синдроме «кошачьего глаза» далеко не всегда.

Я поднялся на третий этаж и завернул к себе в отдел, из окон которого открывался вид на стройные ряды одноэтажных жилых модуль-блоков колонии, поделенных на жилые сектора, а над ними едва заметными радужными сполохами мерцала пленка защитного купола. За столами толпились ребята-оперативники, обмениваясь приветствиями и новостями, кто в повседневной форме, как я, кто в тяжелой или облегченной экзоброне, кто просто в футболке и джинсах. Я поприветствовал подчиненных:

– Да начнется новый день, полный оперативных чудес и научных свершений!

– Привет, Чез! – нестройным хором ответили первопроходцы, фыркая в ответ на мои утренние напутствия.

– Доброе утро! – звонко раздалось из-за спины. Вот и моя правая рука во всей красе. Я обернулся – Макс, в полной боевой выкладке.

– Доброе. Куда-то собралась? Выезда сегодня не предвидится, экспедицию готовим.

Боевая валькирия поморщилась, она с удовольствием в поле бы сходила и сама, вместо меня или со мной за компанию.

– Да ну тебя. Расслабляться нельзя, мы же на работе, сам знаешь.

Да, знаю. Но предпочитаю облегченный вариант: большинство выездов не требует ни тяжелого оружия, ни утяжеленной экзоброни, ни расширенного варианта аптечки и прочих примочек, так зачем в офисе затруднять свободу передвижения себе и другим, бряцая амуницией и задевая броней столы? Личный выбор каждого, но я искренне не понимал привычки потеть на работе ради полной готовности к любому чиху. Ладно бы новички, что с них возьмешь, но Макс, без пяти моя приемница. Впрочем, раз ей так хочется...

– Знаю. Я у себя, если что – свистите! – хлопнув ее по армированному наплечнику и присвистнув для примера, я проследовал было к себе в кабинет, но отвлекся на очередное утреннее шоу а-ля «ученый нового типа». Настройка на работу прошла успешно, подумалось мне, потому что из научного отдела, от нас через коридор, доносилось:

– Мохнозадые криворукие гамадрилы! Кто тебя так учил титровать? Что ты там бормочешь? Я? Я еще не свил из извилин африканскую косичку, чтобы тебе такую ересь рассказывать. Ну, давайте вслух, вместе, двоечники, кто помнит – помогайте! – и лаборанты вслед за руководителем с хорошо поставленным командным голосом уныло в сотый раз подряд за последний год затащили порядок прямого и обратного титрования, потом пошли по реагентам.

Дальше я слушать не стал, подумал только о том, что каждый кандидатскую защитил бы на ура прямо сейчас – Тайвин натаскивал научных сотрудников похлеще, чем в астродесантных войсках на звездные береты парней гоняют. Но счастья на лицах его гамадрилов я не наблюдал, хотя я бы на их месте бесился, но молчал и ценил.

Из кабинета напротив моего в нашем оперативном отделе на шум выглянуло начальство. Импозантный седовласый джентльмен заинтересованно оглядел картину маслом, вдруг что пропустил, но затем, отстраненно пожав плечами, удалился: ничего принципиально нового не происходило.

Зайдя в свой кабинет, я плюхнулся в кресло и отдал команду просмотра документации – передо мной взметнулось голографическое меню, которое я лениво пролистал движениями глаз. Все выглядело нормально. Шестая колония порядком разрослась за почти три года существования, и люди плотно заселили семь жилых секторов, в каждом из которых размещалось по несколько тысяч человек. В новом мире жили не только ученые, военные и их семьи, но и их родственники, друзья, просто любопытствующие, туристы и любители нового, промышленники, строители, работяги и все, кому новый мир оказался интересен и показался перспективным в плане карьеры.

Но вот в пятом жилом секторе, где обитали насквозь увлеченные работой физики-практики, продолжали жаловаться на шумы и запахи, местная живность и после вчерашнего инцидента пошаливала, и я сделал в памяти зарубку – стоит туда пару оперативников и стажеров прислать, пусть тренируются. Биологи из третьего сектора хотели сопровождение на какую-то необычную точку на карте, найденную ими недавно с воздуха при голосъемке с дронов. Промышленники из четвертого, которые отвечали за исследование и выпуск в массовое производство вещей, материалов и техники из найденных в новом мире ресурсов и веществ, снова подали заявку на сборную экспедицию в труднодоступный экваториальный участок. Что они там интересного нашли, я предположить не мог и мучился от неудовлетворенного любопытства.

– Макс, зайти, – попросил я в коммуникатор.

Через мгновение в кабинет поскреблись, и ко мне зашла краса вся оперативного отдела в экзоброне. Я невольно залюбовался, хотя недостатка в девушках на Шестой колонии не было.

– Да? – вопросительно подняла брови моя заместительница.

– Смотри, у нас есть заявка от физиков из пятого, не хочешь с ребятами скататься?

– Хочу, – Макс улыбнулась. Ей всегда нравились такие спонтанные выезды: сидеть на месте без дела она не любила. Интересно, она проедется по моей безалаберности в этот раз? – А тебя не возьму, ты без брони.

Ну конечно, кто бы сомневался.

– Можно подумать, броню так долго на себя натягивать. Да я сегодня никуда и не собирався, надо геологам звонить, – делано обиделся я. – И еще мне твой совет нужен. Когда мы сможем разрешить четвертому сектору экспедицию? Промышленники копытом бьют, без нас их не пустят, а мы уже третий раз футболим.

Макс задумалась, прикидывая: текущие заявки новой колонии в пределах жилых поселений и сопровождение ученых были в приоритете, остальные – туристы, промышленники, охотники за впечатлениями и живностью и прочий люд был вынужден ждать, пока мы освободимся. А поскольку весь боевой отдел первопроходцев насчитывал, включая меня, шестнадцать оперативников, и на вызовы мы меньше, чем впятером, не ходили, то очередь могла ждать недели, а то и месяцы, особенно поначалу, пока мы не начали натаскивать новичков.

– Давай подумаем, – Макс неторопливо оперлась на мой стол, глядя в проекцию с заявками. – К физикам я сегодня съезжу, геологов ты вчера, конечно, предварительно согласовал, но раньше чем через неделю второй сектор не соберется, и не мечтай, они там ребята основательные. Промышленники... Если они будут готовы в течение трех дней и сопровождение будет не больше чем на неделю, мы согласны.

– Хорошо, – меня точно уламывать не надо было, и я, отпустив Макс, принялся за звонки.

Геологи, как она и напророчила, запросили десять дней на подготовку. На заднем плане, за проекцией немолодого, но обаятельного руководителя геологического отделения Всемирной ассоциации наук было видно и слышно, как вихрастый молоденький энтузиаст лет двадцати пытается выглянуть из-за его плеча и посмотреть на прекрасного меня и заодно под шумок запросить сроки побыстрее. Третий фигурант разговора, более солидный мужчина среднего возраста, тем временем выловил его за шкирку и тихонько выговаривал про спешку, объясняя, когда она нужна. Мне он показался знакомым, но я не стал заострять внимание, обсудил детали, согласовал сроки и завершил переговоры.

Следующими в плане были промышленники, и тут я был искренне удивлен. Звонок прошел мгновенно, нас ждали.

– Честер, доброго утра! – с голограммы на меня смотрел восточного типажа мужчина неопределенного возраста с идеальной, волосок к волоску, гладкой короткой прической, непроницаемо-темными глазами и совершенно отрешенным от мира сего выражением лица.

Проекцию промышленник выбрал строго деловую – по плечи и, помимо головы собеседника, мне был виден только край дорогого костюма с воротником-стойкой. Я же предпочитал появляться по пояс, чтобы при разговоре были читаемы руки и поза – мне казалось, что так беседа будет строиться более доверительно.

– Доброго, с кем имею честь? – нет, мне было понятно, что на Шестом нас не знают только младенцы, но чтоб сразу в лицо опознать...

– Алан, синдикат «Апостол».

Я подобрался, «Апостол» был мне хорошо знаком – эти ребята помимо прибыли следовали концепции креационизма, и пытались найти доказательства божественного промысла и присутствия Бога в каждой новой колонии. И до Шестого, значит, добрались. Их идей я не понимал, но заявка есть заявка, тем более, что в первую очередь они будут искать не доказательства бытия Божия, а материальные объекты – собирать образцы почвы, растений и животных, делать геологические исследования, наблюдать за здешним биогеоценозом, в общем, пользу приносить и добро учинять. А сведениями они с нами и научным сообществом делиться обязаны априори, так что я был скован бюрократическими рамками, как бы мне не хотелось им в четвертый раз отказать, повинуюсь зову интуиции.

– Очень приятно, у нас хорошие новости – если вы успеете снарядить экспедицию в течение трех дней, мы сможем взять вашу заявку на выполнение.

– Отлично! – Алан внешне никак не изменился, будто я ему сообщил не о том, что ожидание длиной в несколько месяцев окончено, а стерилизатор на кухне посуду домыл.

– В таком случае мы начинаем подготовку? И имейте в виду, что на сопровождение можем выделить неделю, больше не получится. – Алан слегка нахмурился, и это была его единственная читаемая эмоция.

– Мы планировали двадцать пять дней, полную программу с малым составом.

Я задумчиво покачал головой: так надолго оставлять колонию на треть боевого состава мы не могли. С другой стороны, идет третий год освоения, по большей части мы в жилых секторах практически и не нужны. Слаженных боевых пятерок за неполные три года для базовых нужд колонии мы обучили почти два десятка. Их как горячие пирожки разобрали по основным жилым и научным секторам, так что колония, строго говоря, под присмотром. Но что-то мне не нравилось, интуиция подсказывала засаду, хотя я сам на экватор первый бы побежал, да больно уж компания сомнительная. И я с неохотой пообещал:

– Попробую согласовать еще дней пять, но больше точно не получится. Работаем? – может, их не устроит, и получится отвертеться?

– Да. И большое вам спасибо, Честер. Кого вы планируете отправить?

Этот вопрос мне не очень понравился, в конце концов, какая разница, кто именно из ребят пойдет с ними? Но я обтекаемо увильнул от ответа:

– Вопрос будет решаться в текущем порядке.

– Мы были бы очень рады, если вы примете личное участие.

Я удивился, при чем, интересно, тут я, как будто других объектов и субъектов для теологического интереса у них нет.

– Я подумаю, спасибо за предложение, – нейтрально ответил я и, попрощавшись, завершил разговор.

Вскочив с кресла, походил по кабинету, раздумывая. Допустим, с «Апостолом» поеду все-таки я – во-первых, мне все равно было дико интересно побывать на экваторе, во-вторых, если не можешь угадать пакость – возглавь.

Тогда надо брать с собой всех, кого я думал взять с геологами – Романа, он надежен, как армейские берцы, Уилла и неразлучников, а тут оставлять Макс и Али – они не подведут. Но как быть с периодом перекрытия – три дня, да еще двенадцать, а геологи через десять пойдут, колония на пять дней остается на пятерых оперативников и десятков стажеров. Я запутался, начертил схему на интерактивной доске, которую я себе в кабинете напротив входа во всю стену обустроил, чтоб вносить туда заметки по ходу работы, разобрался. Колония без основного оперативного состава – нехорошо. Попытался перекроить сроки, снова запутался. Еще подумал. Подвинуть геологов – а не слишком много чести апостолям?

В итоге я на все плюнул, отчаявшись решить эту головоломку, и пошел советоваться к начальству через общий офис оперативного отдела. Макс уже унеслась, взяв тройку стажеров и пару желающих с собой в группу поддержки дочищать последствия вчерашнего инцидента, остальные бойцы расползлись по рабочим местам писать отчеты или пить кофе и трепаться о жизни.

Постучав в дверь кабинета шефа, я внутренне собрался и пригладил пятерней шевелюру – отчего, подозреваю, стал еще больше похож на взъерошенное чучело-мяучело, а никак не на главу оперативников. Переборка двери отъехала в сторону, и шеф приглашающе махнул мне рукой из глубины помещения.

В кабинете было накурено, царил полумрак и специфическая смесь запахов табака, мореного дуба и кожи, свойственная, мне кажется, любому обиталищу высокопоставленных боссов, в каких бы структурах они ни работали. С пожилым импозантным джентльменом в светлом деловом костюме, с цепким взглядом серо-зеленых глаз и внешностью типичного жителя одного из земных мегалополисов в Европейской части континента, сидящим в дорожном кожаном кресле, мы были знакомы четвертый год по земному времени. Но имени я от него так и не дознался – то ли он считал, что я еще не дорос величать по именам начальников, то ли просто не хотел представляться, но мне это никак не мешало.

– Доброе утро. Соберем планерку? – я вопросительно воззрился на начальство.

Тот иронично глянул на меня из-под седых бровей – дескать, зачем? Не первый год работаешь, большой мальчик. Я пояснил:

– «Апостол» подал четвертую заявку за последние два месяца, что-то они на экваторе нашли, ну, вы знаете. Меня смущает их настойчивость. И сроки. И они сами.

– Что не так со сроками? – подался ко мне из глубин кожаного монстра шеф.

– Они хотят максимум. Зачем такие траты? У них что, своих людей нет? Взяли бы, как все, пятерку на неделю. Так они просят полный малый сопроводительный состав почти на месяц и меня хотят сверху. Я-то им зачем сдался?

– Положим, не только вы, Честер, не зазнавайтесь. Подобного рода просьба была получена и в отношении других отделов.

Я еще больше удивился и насторожился, дверь кабинета снова шаркнула, и к нам присоединился Тайвин, удовлетворенно поблескивая серыми глазами сквозь стекла очков – отчитал научный отдел и доволен. Я едва заметно покачал головой с недовольством: нельзя так с подчиненными обращаться. Удивительно, как у него до сих пор в отделе текучка не началась. Долгосрочные контракты все хором подписали, что ли, вот и приходится терпеть? Но вслух ничего не сказал, только язвительно заметил:

– Тогда сразу на весь Корпус надо было заявку подавать, чего мелочиться.

– Вы плохо себе представляете механизм финансирования вашего сопровождения и первопроходцев в целом, Честер. У промышленников не хватит средств нанять весь штат, – седовласый откинулся обратно в уютную темноту кресла, оттуда сверкнули смешинки в глубине взгляда. – Но на полный малый состав им хватит, дней так, я бы сказал, на пятнадцать. Вы же им обещали подумать?

Каков жук, если б я не знал, что мой кабинет без прослушки, точно бы засомневался.

– Да, я не экономист, – покаянно склонил голову я. – Я им сначала неделю плюс три дня на сборы дал, там геологи как раз через декаду соберутся, но они двадцать пять выкатили. Я сказал, что еще максимум дней пять, думаю, ребята справятся. А то геологов двигать придется, а они, сами знаете, сдвига сроков не любят, у них все под расчет.

– Та-а-ак, – напрягся штатный гений, стараясь вникнуть в суть беседы с ее середины. – А что у нас хорошего происходит, о чем меня еще не проинформировали?

– На экватор полетим. Хотите? – я склонил голову чуть набок и, хитро посмотрев на него, интригующе подмигнул.

– Хочу! – ученого перспектива слетать на экватор безмерно обрадовала, но он, как и я, чуял какой-то подвох. – А с кем? Только не говорите, что...

– С ними, с ними, с «Апостолом». Не самое приятное соседство, но куда деваться. С другой стороны, может, удастся наконец узнать, что они божественного на Шестом нарыли. Интересно же.

– Пустая трата времени! – презрительно фыркнул Тайвин. – Богословие, схоластика... Болтология одна. Только категорический императив Канта можно хоть как-то всерьез воспринимать. И вообще, мыслить надо рационально. Критически. Там, где что-то принимается на веру, науки быть не может.

– М-да? – задумчиво проговорил я. – Миллионы мух не могут ошибаться. В смысле, я не говорю, что религия – это плохо, отнюдь. Я говорю, что слепое поклонение религиозным догматам – нехорошо. Сама по себе вера – явление позитивное, человеку жизненно необходимо во что-то верить. Вот вы, например, в науку верите. Тоже религия своего рода, если разобраться.

Тайвин внимательно на меня посмотрел, помедлив с ответом.

– Знаете, пожалуй, мы с вами на досуге обсудим эту теорию. Я подумаю. А пока простите, – он развел руками, намекая, что нам есть о чем поговорить кроме споров о вере, и мне ничего не оставалось, кроме как свернуть незатыкаемый фонтан моего красноречия. Но он вдруг меня поймал последним встречным вопросом. – А во что верите вы?

Я, почти не задумываясь, ответил:

– В людей. И в мир. Я вообще по природе пантеист. Правда, у меня есть сложная концепция разделения доверия и веры... Но сейчас правда не время.

– Собирайте свою пятерку, через сутки вылет. – подытожил шеф, с интересом внимавший нашей короткой философской беседе.

Я приподнял бровь в немом вопросе.

– Я вас уверяю, Честер, у апостольцев все давным-давно сложено и готово к экспедиции, так что из трех дней на подготовку два вы можете смело включить во время сопровождения. А за оставшихся три дня перекрытия, полагаю, колония без вас устоит.

Я вздохнул, так – значит, так. И спросил:

– Тайвин, так вы полетите?

– Не откажусь, – степенно отвечал штатный гений. – И пару своих гамадрилов с собой возьму.

– Аналитики?

– Полагаю, да. – ответил мне уже шеф.

Я кивнул. В принципе, можно было и не спрашивать: аналитики входят в полный малый экспедиционный состав, а штатный гений такой случай ни одному лаборанту не отдал бы. Выйдя из кабинета высокого начальства, я нашел взглядом Романа и мотнул головой, мол, разговор есть. Первопроходец, чуть заметно улыбнувшись, пошел за мной.

Прикрыв дверь уже своего кабинета, я спросил:

– Роман, нам поступила заявка от «Апостола». Пойдем, скорее всего, через сутки, полный малый, две недели. Кого брать будем?

Бывший астродесантник задумчиво почесал нос и принялся неторопливо рассуждать.

– Полный малый? Это те промышленники, которые на экватор рвались? Тайвин, значит, пойдет, близнецы пойдут, ты пойдешь скорее всего, без тебя никуда, слишком любопытный.

Я слегка пожал плечами – кому, как не Роману меня знать как облупленного.

– Макс бы взять, но ты же ее на геологовпустишь?

– А ты откуда знаешь? – удивился я.

– Так они собираются давно и основательно, с утра мне звонили, спрашивали, на какие сроки рассчитывать, я с Димычем отлично знаком. Я так прикинул – срочных выездов нет, с текучкой разгреблись, в ближайшие пару недель вроде тишина, значит, дней пять-десять у них на подготовку еще есть, – разложил мне все по полочкам первопроходец. – Поскольку геологи поедут на раскопки, то место они выбрали относительно безопасное, тебе там было бы скучновато, а тут «Апостол» и экватор, такого ты не пропустишь. Значит, вместо себя отправишь Макс. Скорее всего, и Али с ней. И новичков обкатывать.

Ага, так вот кто на заднем плане мелькал, оттаскивая юное дарование, то-то знакомым показался. Я вздохнул. Сегодня все лучше меня понимают меня самого.

– Сто лет Димыча не видел, может, я б лучше туда поехал.

– А ты откуда его знаешь? – в свою очередь, удивился Роман.

Я пожал плечами.

– Доводилось вместе в одних компаниях пересекаться, на Земле еще.

– А, – Роману, казалось, было достаточно моих слов, но я знал, что неутомимый первопроходец потом вытянет из меня детали биографии, ему только волю дай. Он обладал уникальным свойством – постоянно накапливать информацию, чтобы потом сделать емкий, точный и удивительно нужный для конкретного момента и ситуации вывод.

– Меня будешь брать, – не то спросил, не то утвердил Роман.

Я поддакнул, и он продолжил размышлять вслух.

– Давай с собой Уилла возьмем, а еще надо Марка и Сержа прихватить, они на выездах хороши. С людьми лучше оставить работать кого-то... более общительного.

Выбор был достаточно очевидным, полностью повторял мои выкладки, и возражений я не имел. Уилл часто с нами за компанию ходил, мы с ним и Романом отлично работали вместе. Марк и Серж, интроверты-неразлучники, парни нелюдимые, замкнутые, им для душевного равновесия экспедиция нужна как воздух – развеяться и помолчать. А то в последние полгода наша работа стала напоминать скорее общение политиков с электоратом, чем суровые будни первопроходцев. «Да, это малая химерка. Нет, не опасная. Нет, убирать не будем, она в Красной книге Колонии. Как тапкой прихлопнете? Уникальный экземпляр!», а не «брутальные мужчины, стиснув челюсти в яростном оскале, люто бьются с агрессивным зверьем за предпоследний на дереве сладкий фрукт». Такого эпизода в нашей практике еще не было, но мог бы быть!

– Значит, решили. – Я послал по коммуникатору вызов выбранным оперативникам, те удивились перемене погоды с геологов на апостольцев, но к сведению приняли.

Отключившись и отослав Романа, я откинулся в кресле, потер легкую небритость на подбородке и принялся задумчиво вертеть в руках брелок – миниатюрная версия черной дыры в виде шарика из черного агата, обернутого в нитиоловый аккреционный диск насыщенно-оранжевого цвета на цепочке. В этот маленький предмет я влюбился сразу, как увидел на первом корпоративе – их нам раздали как памятные сувениры. С тех пор я везде таскал брелок с собой, обращаясь к его гладкой поверхности, когда мне требовалось подумать и повертеть что-то в руках.

Что могло привлечь столь пристальное внимание изыскателей от религии в Шестой колонии я в общих чертах понимал. Весь здешний мир выступал как мифическое шестое доказательство Канта о непостижимости божественного промысла и бытия, это если предположить, что высшее существо вообще может чем-то промышлять.

Да, я разделял мнение философа по поводу того, что человеку свойственно непоследовательное с точки зрения причины и следствия стремление к поступкам, продиктованным высшей нравственностью, неким категорическим императивом. Откуда, спрашивается, в нашей от и до детерминированной Вселенной, где ничто ниоткуда просто так не берется, мотивация к поступкам, для природы и эволюции бессмысленным? Например, зачем человеку любоваться закатом, встречать рассвет, провожать старушек до дома или подбирать бездомных щенков? Хотя с бабушками еще понятно, можно притянуть за уши необходимость заботиться о членах своей стаи, вбитую обществом социально и сидящую на подкорке природно. Но остальное? Шестой, он как человек с его моралью и нравственностью – существовать по идее не должен. Но вот он за окном, поет, свистит, шипит, цветет и пахнет, непостижимый и невозможный.

Но я также и понимал, что разум как инструмент познания мира довольно ограничен по функционалу. Разумом и рациональностью ты наличие Бога не докажешь никогда. Тогда на что рассчитывает «Апостол»? Что могло сподвигнуть сторонников креационизма изыскивать средства на чрезвычайно дорогостоящее сопровождение первопроходцев, непременно в мире кремнийорганики и непременно на экваторе... Мое любопытство становилось подобным физически осязаемому зуду, только почесать мозг я не смог бы при всем желании, оставалось ждать, гадать и надеяться, что я все пойму сам на месте.

Интерлюдия 2. О разноцветных беретах

Седовласый джентльмен задумчиво просматривал информацию о Честере Уайзе на голограмме, умная аппаратура реагировала на движения глаз и прокручивала сведения сверху вниз. Рядом с ним, сидя в удобном кресле по другую сторону стола, тем же занимался не менее представительный мужчина в форме, тоже с сединой, но еле заметной.

Родился, учился, не закончил раз, не закончил два, работал, не женился, но отношения имел, недолго и непрочные, интересы, увлечения – парень как парень. Что в нем такого необычного, седовласый и сам не мог бы себе объяснить.

Однако близкое общение с фактическим автором нашумевшей статьи оставило у него двоякое впечатление. С одной стороны, налицо определенные задатки руководителя, неплохая харизма, природное любопытство и сложное, но гибкое мировоззрение. С другой, похоже, юнец сам не понимал своей обаятельной притягательности и душевной силы, что седовласому играло на руку – всегда проще обучить специалиста под себя, чем ломать уже устоявшуюся систему взглядов. С третьей, критически низкая уверенность в себе, что может нивелировать результаты такого воспитательного процесса.

– ...и вы полагаете, что вот этот, – почти выплюнул слово военный, – сможет за год хотя бы приблизиться к уровню звездных беретов?

– Нет, конечно, – седовласый поморщился. – А ему и не надо. Он не ученый, не боец и не аналитик.

– Тогда? – вопросительно взглянул на джентльмена военный.

– Прирожденный лидер. Но его сначала надо правильно... обтесать. – Седовласый откуда-то из-под стола вытащил старинный серебряный портсигар, и медленно, со вкусом, раскурил сигарету.

– Как вы можете эту дрянь курить, – скривился военный. – Есть же современные устройства, без дыма, без запаха... Ни один из моих бойцов за вашим хлюпиком не пойдет.

– Вы так уверены? – седовласый неопределенно повел в пространстве рукой с сигаретой. – А я полагаю, он сможет вас удивить. Давайте так. Поставьте лучшего берета с ним в пару на пять минут. Бойцу разрешите действовать на свое усмотрение, но чтоб до исхода пятой минуты на лопатки уложил.

– «Давайте так» – это вы от вашего нового штатного гения подхватили? – недовольно поморщился полковник. – Что, думаете, не уложит?

– Да? А я и не заметил. Наверное, присказки у Тайвина иногда бывают... заразными. Ваш боец парня, конечно, уложит, даже спорить не буду. Но на промежуток между первой минутой и пятой я бы вам искренне посоветовал посмотреть.

...я проснулся внезапно – давно забытое со школьных лет чувство опасности за поворотом обожгло меня от затылка до хребта. Я вскочил и огляделся – я у себя в спальне, вчера была грандиозная попойка, я познакомился с почти настоящим Воландом и завалился спать в одежде.

Что не так? Вроде все в порядке, чувствую себя сносно, хотя и немного помят. Я осторожно выглянул в гостиную – диван был сложен, белье с него аккуратно убрано, термоспальники тоже лежали в уголке – во сколько бы мои гости ни встали, они уже ушли: казалось, что в квартире никого.

Но что-то меня настораживало, хотя я и не понимал, что именно. И вдруг увидел – в углу, в самой затененной части комнаты, стоял человек, которого я не знал, стоял так, что

заметить было крайне сложно, да еще вся его одежда переливалась непонятными цветами, делая совершенно неотличимым от окружающей обстановки.

Восхитившись, я протопал в центр гостиной и уселся посередине прямо на пол.

– Ты грабитель? – поинтересовался я, пристально глядя на человека, с интересом склонив голову.

– Нет, – отмер гость и плавно начал перемещаться в мою сторону, что мне категорически не понравилось, и я попросил, вложив в голос все убедительное, что только мог:

– Стой.

Человек остановился.

– Если ты не грабитель, то ты гость. Или шпион-рептилоид с жутко секретным заданием. Кем предпочитаешь быть?

Предполагаемый то ли гость, то ли шпион неопределенно хмыкнул.

– Я, в общем-то, не тот и не другой. Просто делаю свою работу.

– И в чем она заключается?

Гость чуть призадумался, решая, озвучить мне причину визита в мой дом или промолчать.

– Ну скажи, а то я так и помру, не узнав, для чего были те теннисные шарики, как в анекдоте.

Человек искренне рассмеялся и показал на часы на запястье.

– Мне, цитирую, надо уложить тебя на лопатки за пять минут.

– А, ну так неинтересно, – я зажмурился и произнес: – Давай, укладывай.

– Прямо вот так? – несколько изумился гость.

– Ну да. Я тебе явно не соперник, а чем быстрее ты сделаешь эту свою работу, тем больше будет времени пообщаться, ну, если ты не против. О, слушай, у меня идея. Таймер есть?

– Конечно. – Незнакомец заинтересованно посмотрел на меня.

– Поставь там звонок на четыре с половиной минуты, или сколько там осталось? Ты же время засекал? И задание выполнишь, и я раньше времени от любопытства не сдохну. – Признаться, я не верил в то, что гость меня послушает, даже мне мое собственное предложение казалось идиотическим бредом, но, к моему удивлению, незнакомец четко, по-военному, кивнул, соглашаясь, и потыкал пальцем в часы.

– Садись, – я гостеприимно похлопал ладонью по ковру рядом. Гость аккуратно присел напротив меня. – Ты же наверняка из какого-нибудь спецподразделения?

– Астродесант. – коротко отрапортовал он. Я почувствовал небывалое воодушевление, у меня, наверное, и глаза засветились от нескрываемого восторга.

– Класс! – и я пристально посмотрел на него во все свои кошачьи глазки, зная, как магически я могу воздействовать необычными зрачками на неподготовленного человека. – Расскажи, а? Правда, что вас заставляют в экзоброне по болотам бегать и из иглометов стрелять? А чему еще учат? А на других планетах ты был? А...

– Полегче, полегче, – примиряюще поднял руку гость. – Тебе про обучение или про планеты? Времени немного.

Я вздохнул, выбирая.

– Про обучение. У тебя же берет, наверно, есть? – чуть завистливо спросил я.

– Есть. Звездный, – ответил военный, и я подался вперед, силясь получше рассмотреть такую диковинку, но черты лица, прикрытые тонкой переливающейся пленкой,плыли, не позволяя рассмотреть незнакомца. Наверно, какой-то защитный и жутко секретный костюм, решил я.

– Ух ты, всегда мечтал познакомиться. Вы же почти легенда современности, элита астродесанта, про вас бы сериалы снимать, – едва выдохнул я. – Все рассказывай, что успеешь!

Сначала неохотно, затем все более спокойно и расслабленно гость, поглядывая на часы, рассказал пару баек про обучение, про высадку на Пятую колонию и даже немного прихвастнул подвигами. Я восхищенно замер, периодически кивая и присвистывая в особо удивляющих меня моментах, стараясь не спугнуть астродесантника как дикого зверька. Зазвенел таймер.

– Ну, бей, – я снова зажмурился, и застыл в ожидании, гость не стал затруднять мне жизнь и осторожно положил меня на спину, придержав затылок.

– Приятная была беседа, – пожав плечами, прокомментировал он, пока я в веселом изумлении смотрел на него с ковра. – Не хотелось причинять тебе неудобства, а задание формально я выполнил. Бывай! – и он вышел в окно. Я вскочил и бросился туда – но о том, что в моей комнате кто-то был, напоминал только легкий шлейф незнакомого химического запаха и гул улетающего флаера, почти невидимого вдалеке. Это в наше-то время, когда за каждым закреплена автоматическая транспортная капсула. Личный флаер – это мечта мечт! Я еще несколько раз вздохнул, пребывая в полном раздрае от нового знакомства, и пошел на кухню варить кофе и ломать голову.

Седовласый молча смотрел на военного и на астродесантника, который стоял перед ними в вольной стойке, и весь его вид сообщал о том, что «а я говорил».

– Роман, скажите, что заставило вас остановиться в этом моменте? – военный прокрутил запись.

– Не могу точно сказать, сэр. Скорее всего привычка. – Астродесантник пожал плечами – парнишка ему понравился, задание он выполнил, а поскольку детали оставались за ним, то никаких провинностей за собой он не ощущал. – Нас ведь учили, что от выполнения приказа может зависеть жизнь.

– Но он не ваш командир, и это был не приказ? – военный недоуменно уставился на подчиненного.

– Да, – невозмутимо ответил Роман. – И тем не менее. Интонации, знаете, очень знакомые.

– Я вас услышал. – Военный раздраженно дернул плечом и отпустил бойца. Седовласый, хитро прищурившись, продолжал молчать. – Да, надо признать, чутье у парня неплохое, но приказывать каждая собака может. И я все равно не понимаю...

– О, уверяю вас, вы поймете. И отнюдь не каждая собака может приказывать так, чтобы лучший звездный берет приказ выполнил. Вот вы бы остановились?

Военный промотал запись еще раз, потом еще. Подумал, прикидывая ситуацию на себя.

– Возможно. Хотя, честно признать, не могу точно сказать, почему.

– Я вам подскажу. Императивная интонация. Знаете ли, умение отдать приказ – очень хитрая и тонкая штука, а у Честера, как видите, работает на ура, причем без подготовки и осознания, как и интуиция. Представьте, что будет, если его научить ими пользоваться? Прекрасные качества, их и будем культивировать. – Седовласый дал понять, что разговор окончен, закуривая очередную сигарету. Военный откланялся, а седовласый джентльмен вновь принялся пересматривать запись.

Вот Честер просыпается – за миг до того, как Роман открыл окно – заходит в комнату, оценивает обстановку. Легкий испуг, настороженность, любопытство – как он вообще заметил астродесантника в боевом хамелеоне?

Нестандартные решения, которые диктуют бойцу линию поведения, вопросы, вопросы, гремучая смесь восхищения и интереса – да он сам рассказал бы парню все, что тот хотел бы узнать, а еще этот приказ... седовласому все казалось, что он что-то упускает из вида, и, досадливо хмурясь, он снова прокручивал запись, не понимая, что именно.

Наконец, словно решившись прыгнуть в холодную воду, он резко выдохнул и прикрыл глаза. Голограмма с записью немедленно свернулась.

– Придется брать, на свой страх и риск, – произнес седовласый куда-то в пустоту кабинета, но та ему не ответила.

Глава 3

Спустя сутки наша пятерка была готова. К аналитикам и научному отделу я не совался, справедливо полагая, что они и без моих ценных указаний соберутся, но перед непосредственным вылетом, проходясь по списку экипировки, выяснил интереснейшие подробности. Штатный гений настолько увлекся перспективой слетать в неразведанный участок, что попросту забыл обо всем, что не связано с сугубо научными интересами. Я злорадствовал: к Тайвину я относился очень уважительно, но и случая поддеть ученого не мог упустить.

– Итак, стерилизаторы, по единице на состав экспедиции, итого суммарно двадцать штук плюс дополнительный запас на экстренный случай... – зудел я гнусным москитом, а Тайвин, сидя напротив в конференц-зале, где мы проходили отчетную проверку перед вылетом, краснел, бледнел и старался сделаться незаметным. – Отсутствуют, так и запишем... Далее, универсальный антидот от основных инсектоидных силитоксинов из расчета одна доза в сутки на каждого члена экспедиции и дополнительный запас... – я все ждал, когда очкастого проймет, и не прогадал. Поправив очки, ученая заноза невозмутимо осведомился:

– А вы проверили готовность каждого флаера? А каково состояние основного модуль-блока? А иглометы и боезапас? А...

Я спокойно, но твердо его прервал, хотя внутренне жизнерадостно посмеивался:

– Тайвин, у нас все в порядке, я проверил несколько раз. А еще мы взяли компас, иголку с ниткой и изоленту на всякий случай.

Тайвин побледнел, на скулах выступили красные пятна:

– Вы хотите сказать, Честер, что я некомпетентен?

Я обезоруживающе поднял руки и улыбнулся, доводить ученого я совершенно не стремился, только немножко уколоть:

– Что вы, из нас всех только вы – ориентир собранности и аккуратизма, и я не шучу. Но вы, мне кажется, немного увлеклись предстоящей миссией. Это здорово, но про базовую подготовку не надо забывать.

Тайвин, успокоившись, пронзил меня ясным взглядом серых глаз, прищипывая, как бабочку на булавку, и ледяным тоном произнес:

– Я учту, Честер, спасибо.

Я вздохнул и произнес:

– Вы меня простите, Тайвин, если я перепроверю вашу сборку перед вылетом?

Тайвин готов был съесть меня с потрохами, но, скептически поджав губы, ответил:

– Мне нужно полтора часа. Потом можете проверять.

Мне захотелось плечами передернуть, настолько прохладно стало в жарком и влажном воздухе, и я огорчился, поскольку не имел цели обострить отношения перед началом двухнедельного тесного общения, но, как говорится, что сделано, то сделано, сам себе злобный дурак. Но, с другой стороны, я отвечал за безопасность, и не влезть в готовность всех членов экспедиции не мог.

Своих я собирал и проверял самолично, аналитикам кроме мозга нужны были только смарты для связи и спицы – так они на профессиональном жаргоне называли небольшие суперкомпьютеры с соответствующим пакетом программ, обеспечивающие доступ в локальную инфосеть, вычислительные мощности и поддержку большинства существующих нейросетей для прогнозирования вероятностей и моделирования вариантов развития ситуаций.

Спустя полтора часа оскорбленный гений, стоя на стартовой площадке перед тремя флаерами – моим, своим, аналитиков – и грузовым шаттлом, по совместительству основным жилым и исследовательским модуль-блоком, всем своим видом демонстрировал полнейшую готов-

ность хоть к потопу, хоть к эпидемии. Я, стремясь выправить шаткое положение, примири-тельно протянул ему руку:

– Я искренне рад, что вы надлежащим образом подготовились, Тайвин. В путь?

Тайвин, неверяще глядя на меня, казалось, еще больше обиделся – то я его чихвостил, а тут вдруг на слово поверил, – но пожал мне ладонь и покачал головой:

– Честер, я вам признателен за указание на мои ошибки, но иногда ваш эмоциональный интеллект находится на уровне табуретки. В путь.

Я бодро порысил в сторону своего флаера. Флаер для первопроходца – друг, враг и летающий железно-электронный конь, в котором есть запас необходимых противоядий, универсальный антидот, аптечка первой помощи, запасное оружие, небольшой исследовательски-экспериментальный набор юного ученого и только я знаю что еще, ибо посвятил немало времени изучению и доработке всех функциональных возможностей моего летательного помощника.

Почему враг? Да потому что ни в коем случае полагаться на технику нельзя – это мы уяснили в первый же год освоения Шестого. Любой механизм ломается, механика дает сбой, про электронику я просто молчу.

С флаерами у нас возникла дилемма. Дело в том, что на Земле, равно как и на остальных пяти колониях, флаеры воспринимались как легкая авиация – удел избранных. На родной планете человечества давным-давно организовали систему ЛТК – личных транспортных капсул, прикрепленных к каждому жилому модулю. Рано утром одна транспортная капсула большой вместимости собирает работяг, едущих к определенному времени на работу, вторая – детей в школу, третья используется под временные нужды по мере наполнения. А личная транспортная капсула, выделенная на семейство, выполняет специфические конкретные запросы по согласованию с ИИРТ – искусственным интеллектом распределения транспорта.

Благодаря такой системе в многоуровневых автоматизированных транспортных линиях мегаполисов Земли не возникает привычного для колоний коллапса – флаер на флаере и флаером погоняет. Уже три мира из пяти переходят постепенно на обкатанную временем и практикой систему, но в нашем крошечном Шестом, в колонии размером примерно с пару десятков километров во все стороны о капсулах пока речи не идет. Зато флаеры стремятся иметь все, кто смог подтвердить лицензию на их пилотирование.

В свое время я тоже не был исключением – личный флаер, шутка ли! Мечта любого мальчишки, да и, не будем кривить душой, мужчины. Это потом, когда меня принудительным порядком в курсе обучения на первопроходца заставили сдать экзамен на флай-пропуск, я взвыл и чуть не отказался от детской мечты. Расширенная врачебная комиссия, экзамены на реакцию, внимательность, эмоциональную стабильность, знание основ первой помощи и основ аэродинамики, психологический профиль, отскакивание от зубов флай-правил... Я, честно говоря, половину тестов обманул.

На Шестом флаеров немного, и большая часть – у руководителей всех мастей, у колониальной полиции и у нас. А зачем, скажите на милость, флаер младшему научному сотруднику, живущему во втором секторе, если тот же филиал МНИИ Экзогеологии, планетарной экзогеографии, экзogeоморфологии, экзогеофизики, и экзogeоэкологии находится максимум в паре кварталов от его жилого модуль-блока?

Так же и с физиками, и с биологами. Промышленники и туристы, к моему глубокому сожалению, массово стараются завезти на Шестой флаеры, что создает недюжинную нагрузку на систему отслеживания гражданских – и напрягает нас.

Между тем к посадочной платформе подлетели новенькие, блестящие хромом и пахнущие синтетическим машинным маслом флаеры с опознавательными эмблемами «Апостола»: хризма, вписанная в треугольник.

Смотрелся символ на металлическом боку летательного аппарата чужеродно и странно-вато, будто посреди высокотехнологического цеха по производству резонансных двигателей

для внутригалактических перелетов кто-то поставил средневековый алхимический тигель и плавит там свинец, пытаясь получить философский камень.

Из самого блестящего вышел собственной персоной Алан.

– Здравствуйте. Честер, Тайвин, – церемонно раскланялся он.

Я подозрительно прищурился. Если меня только ленивый не знает в колонии, то Тайвин у нас – фигура не столько знаменитая внешне, сколько выдающаяся научными достижениями. И мне осведомленность Алана не понравилась – я чувствовал, что апостолец провел основательную подготовку к встрече с нами, и пока мы идем у него на поводу, а не наоборот.

– Доброго дня. Вы готовы? – спросил я. Алан слегка кивнул. – Позвольте проверить.

И я с головой влез в их грузовой шаттл, понимая, что в личные флаеры меня не пустят, но вот аппаратуру я имею право досмотреть. Алан предусмотрительно перекинул мне на смарт опись содержимого, и я сверил коробки в отсеке с заявленным оборудованием. Не то, чтобы я не верил колониальной полиции и военной наблюдательной миссии «Авангард» от Межмирового правительства, это была их юрисдикция – проверка ввозимого на Шестой оборудования, оружия и компоновки их для экспедиций. Но смутные подозрения у меня имелись.

Навскидку расхождений не было, но парочку подозрительных контейнеров я попросил вскрыть – и не ошибся. Если в одном лежали разрешенные буровые комплекты – с ними я сталкивался многократно, и опознать смог, то второй был заполнен оружием по самый краешек. И чего тут только не было... от ножей до сверхсовременных плазменных винтовок.

– По регламенту оружие членам экспедиции запрещено, – отметил я, рассматривая арсенал. – Можно только нам. Это единственный ящик или есть еще?

– Единственный. – Алан был совершенно невозмутим, будто я не оружие у него изымал, а попросил взаймы книгу почитать. – Мы не знали, прошу прощения.

Я сделал себе в памяти галочку – пункт про оружие прописывался в экспедиционной инструкции не очень четко, значит, нужна детализация. Но у меня было стойкое ощущение, что все апостолец понял. И все равно попробовал протащить на экватор без малого тонну иглометов, ножей и гранатометов с гранатами. Как же жаль, что нет ни времени, ни права на детальный досмотр, я по-хорошему и сюда не должен был заглядывать.

– На будущее. Ножи разрешены, прочее – нет. Мы с вами не сражаться с живой природой едем, а изучать ее.

– А если на нас нападет, скажем, химера или суккуба? – со вселенских размеров спокойствием поинтересовался Алан.

– То нанопротекторный купол защиты их не пустит. Без вариантов. А на самый крайний случай есть мы. – И я выразительно похлопал по кобуре, органично притороченной к поясу легкой экзоброни. – И, поверьте, мы свое дело знаем. А вот неприятные неожиданности за спиной нам точно не нужны.

Я многозначительно покосился на злосчастный ящик, Алан понимающе кивнул и распорядился о выгрузке.

– Можете тут оставить, потом заберете, – широким жестом разрешил я. – Теперь можно лететь.

Я взобрался по опорному крылу флаера в кабину на законное место водителя и столкнулся с укоризненно вопрошающим взглядом Романа. Я поерзал и проверил, не дымится ли на мне броня, устраиваясь поудобнее и щелкая тумблером предполетного старта.

– Что? Колонистам разрешено иметь оружие. Может, они и переборщили. Но ты же сам знаешь, в экспедиции перестраховка не помешает.

Роман скептически выгнул правую бровь. Я почувствовал себя еще более неуютно и попробовал оправдаться.

– Да знаю, знаю, этим не десять человек, а небольшую роту можно вооружить. Но ты видел Алана? Это человек-скала! Я уверен, у него все разрешения есть, и все как одно – железобетонные. Ну не надо на меня так смотреть, – сдался я. – Отправляю Тони запрос.

И я с чувством выполненного долга и с возросшей подозрительностью маякнул начальнику колониальной полиции, мол, мы тут уехали, ящикек кое с чем оставили, посмотри на досуге. Энтони прислал короткое подтверждение, и я с надеждой глянул на Романа:

– Теперь полетели?

Первопроходец степенно кивнул, и караван флаеров, во главе с нашей машиной, вереницей потянулся в сторону экватора на небольшой высоте.

Интерлюдия 3. Учение – свет

С момента достопамятной встречи со звездным беретом прошел год. На следующий день после нее меня вновь посетил седовласый и предложил поучаствовать в, как он выразился, «экспериментальной программе» по превращению простого смертного в настоящего первопроходца.

Признаться, я был немало удивлен и спросил, а как же астродесантники. Но седовласый меня ответом не удостоил, из чего я сделал вывод, что обучение астродесантника стоит бешеную кучу времени и средств, а чтобы изучить новую планету, всего состава Объединенного Астрофлота не хватит, вот и пытаются создать этакий ускоренный курс для желающих гражданских. А я – неуч-переросток – вполне подхожу для обкатки. Меня в этом никто не убеждал, да и тот факт, что я периодически сталкивался раз в месяц на сборах с такими же ошалелыми то ли от свалившегося счастья, то ли от геморроя парнями моего возраста, только подтверждал выводы.

В течение года разные инструкторы натаскивали меня по физподготовке, учили стрелять, драться, много и долго бегать. Со мной работали психологи, основным посылом которых было: «Больно – терпи, страшно – терпи, хочешь убежать – стой на месте» и прочее в том же духе.

Каждый день мне рассказывали основы разных наук, и я почти почувствовал себя вновь в школе, когда в бедных детей стараются впихнуть непрожеванные куски накопленных человечеством знаний, только на более продвинутом уровне.

Но я никак не поддавался муштре – боевые приемы получались у меня плохо, стрелял я прилично, но издалека и из-за угла, где меня не было видно условным врагам, за что в учебке инструктор по стрельбе насмешливо обзывал меня кемпером, бегал преотвратно, на ножах дрался еще хуже и никак не убеждался в том, что если страшно – не надо бежать, а если есть неудобства – надо терпеть. И раз за разом срывал сборы, то показывая из рук вон плохие результаты, то протаскивая на очередное испытание сухое топливо с авторозжигом, таблетки антисептика и термоспальники – просто потому, что могу и хочется.

В итоге на последних сборах вместо того, чтобы три дня выживать в холодном болоте с комарами без еды, воды и чего-либо еще, даже без ножа, в надежде, что нас обнаружат и заберут, ибо таковой была изначальная миссия, я просто спросил у ребят, кто умеет ходить по болоту, а кто – пользоваться самым обычным компасом, который тоже под шумок прихватили. Жаль, не я, а мог бы догадаться!

За болото выходить было запрещено, так что мы выбрали относительно сухую возвышенность в его центре, натащали туда лапник, организовали кострище, которое поддерживали от одной таблетки сухого горючего все три дня, и попивали чай из обеззараженной кипяченой болотной воды, листа смородины и росшей по краю болота брусники и мяты, уютно закутавшись в спальники по трое. Благо современные технологии вполне позволяли упаковать такую полезную вещь в шарик диаметром в пару сантиметров.

Натеревшись от комаров багульником, мы за три дня радиальными вылазками от лагеря составили карту местности, торжественно предъявив ее забиравшему нас командованию. И чаю им предложили! С ягодами, и супом из корневищ рогоза и грибов, и с лепешками из муки все с того же рогоза, благо на все злосчастное болото нашелся один небольшой камень, который мы использовали и как жернов, и как сковородку.

Оказалось, что параллельно выполнявшая аналогичное задание группа будущих разноцветных беретов все это время шарахалась по соседнему болоту в поисках выхода практически без сна и отдыха. Мы так и не поняли, зачем им это было надо, но мы, ароматно пахнущие терпким багульниковым запахом, бодрые, выпавшиеся и до ушей полные травяного чая, разительно отличались от них, заляпанных по уши тиной и болотной грязью, голодных, покусан-

ных комарами, злостно чесавшихся и неимоверно раздраженных жизнью. И что вы думаете? Я-таки получил втык за самоуправство!

И только впитывать теоретические знания у меня получалось лучше всего. Состав ребят на сборах постоянно менялся, мои учителя тоже: подозреваю, что некоторых я выжил сам бесконечными вопросами в стиле: «Да, я понял, что теория суперсимметричных струн – это круто, но можно как-то понятнее? И про тахионы расскажите, и про фермионы тоже. Угу, угу. Не, ни черта не понял, давайте еще раз и попроще, как для дебила».

Некоторые срезались сразу, некоторые держались пару месяцев, а я учился, искренне не понимая, как моя голова еще не превратилась в помойку, и зачем мне основы астрофизики и эпигенетики, если базовое для первопроходца – слух, нюх, чутье на всякие опасности и любопытство.

Через полгода начали приходить первые слухи о планировании экспедиции, а еще через пару месяцев нас начали знакомить с животным и растительным миром новой планеты – ага, понял я, долетели, успешно приземлились и начали изучать, значит, и нам скоро лететь. Но чем больше приходило информации, тем больше я впадал в состояние перманентного обалдения. Да я в своей статье угадал практически все! Как такое может быть?

И вот по истечении года нас, числом около пятидесяти лиц, обреченно сиявших тоской и неотвратимостью бытия, отправили на финальный экзамен. Я принял фаталистическую позицию – пройду, так пройду, а нет – так и не надо, не очень-то и хотелось. Но понимал, что вру сам себе – увидеть новый мир хотелось. Сравнить с тем, мною придуманным, пощупать, вдохнуть, попробовать на вкус, обнять, желательно сразу и весь.

Но вместе с тем я знал, что обломаюсь. Не то чтобы я не хотел оправдать вложенные в меня ожидания и средства, просто отдавал себе отчет в том, что меня влегкую обойдут и по физподготовке, и по стрельбе, и по рукопашке. Талантами аналитиков я тоже не обладал, на этот случай у нас была пара хитрющих с виду рыжих близнецов, которых я уже успел неплохо узнать на сборах. А с меня что взять, кроме анализов? Но попробовать я был должен.

Нас загнали в шаттл, и я, чуть замешкавшись в дверях, заметил, как бойцы пошире в плечах садятся в удобные кресла и сразу приподнимают руки в силу привычки – и их за грудь и талию обнимает широкий мягкий ремень фиксации. Тут-то я справедливо и заподозрил, что не просто на очередное болото нас посылают таким обширным составом.

Один из потенциальных беретов, как я их называл, чуть поморщился, когда клал руки на подлокотники, и я, садясь в свое, руки приподнял, чтобы дать ремню зафиксироваться, а вот потом по-школьному положил их на колени. Оглянувшись, я понял, что не один такой умный – мои движения скопировали рыжие близнецы и единственная в шаттле девушка, ее на сборах я ни разу не видел.

Спустя пару минут, когда я начал чувствовать себя глупо, а шаттл уже куда-то поехал, в салоне начался повальный сонный мор – один за другим парни клонили головы набок и засыпали богатырским сном. Вскоре почти весь салон был заполнен спящими, а мы с близнецами недоуменно таращились друг на друга. Девушка, которая все-таки решила воспользоваться подлокотниками, тоже уснула – похоже, в них были встроены инъекторы со снотворным. Но зачем?

Дверь в салон начала открываться, и я притворился спящим – так, на всякий случай, но вошедший тут же высказался:

– Ты-то можешь не притворяться, хитрая морда.

Я открыл глаза и понял, что на огонек к дремлющим будущим первопроходцам зашел мой давешний гость. Теперь он был в обычной форме астродесанта, а не в непонятной переливающейся броне, и я спокойно смог разглядеть его лицо – ровные тяжелые черты кадрового военного, ежик каштановых волос, возраст чуть за тридцатник.

– Как поживают рептилоиды? – поинтересовался я.

– Прекрасно поживают! – гулко фыркнул астродесантник и подошел ко мне. – Роман, – и он протянул ладонь.

– Очень приятно, Честер. Можно просто Чез. – Я благоразумно руку протягивать не стал: вовремя увидел чуть блеснувший наконечник автоинъектора. – Что за маниакальное желание всех отправить в царство Морфея?

– Заметил? Глазастый, – с одобрением высказался звездный берет. – Раз уж ты такой шустрый, скажу. Мы летим на территорию Шестого мира. Инъекция подготовит твой организм к перелету. Без нее высок риск... когнитивных нарушений.

Судя по тому, что астродесантник замешкался, нарушения были значимыми, и игнорировать этот факт мне не дадут. Близнецы мрачно молчали чуть поодаль.

– Поня-а-атно, – протянул я. Перспектива прилететь к моей родненькой ложной скорпикоре меня и пугала до икоты, и радовала одновременно. – Но хоть на Землю из космоса посмотреть можно будет? Я и у окошечка сижу...

– Можно, – с непонятной интонацией сказал Роман. И ткнул кнопку обзорного экрана, перегнувшись через меня. Неизвестно каким образом под шумок мы уже вышли на орбиту, хотя я чувствовал только привычные ощущения, как от флаера на предельной скорости полета. Вот это стабилизаторы, класс! Интересно, на каком принципе работают? Хотя я все равно не пойму.

– Какая Земля красивая... – я и не ожидал, что зрелище нашей родной планеты окажется настолько щемяще прекрасным, что перевернет мне душу, перетряхнув все эмоции от пыльного барахла, и оставит только чистое, незамутненное чувство прикосновения к поистине величественной красоте.

– Именно так, – удовлетворенно подтвердил Роман и воткнул мне в руку автоинъектор.

Глава 4

В первый год освоения Шестого мы столкнулись с тем, что звериная часть населения мира активно лезет к людям познакомиться. Правда, не всегда с позитивными намерениями. За время изучения особенностей жизнедеятельности флоры и повадок местной фауны в разной степени бывали надкушены мы все.

Но благодаря слаженной работе научного отдела и нас, оперативников, смертей практически не случалось, если только по глупости, достойной премии Дарвина. Словом, выживать на новой экзопланете было не сложнее, чем голышом в тропиках на Земле. Страшно, опасно, кругом все шевелится, но если разобраться и приспособиться – то вполне терпимо.

В последующие полтора года глобальным подспорьем – или, напротив, незаметной подлянкой, смотря как смотреть – стали пресловутые технологии. Да, человечество к этому моменту разбиралось в нанокибернетике, летало по всей галактике и за ее пределы, сделано было множество прорывов в медицине и военном деле, физике и биологии, да вот смысл бытия и натура наша почти не изменились. Человек как был ленивым и любопытным созданием, так и остался.

Благодаря лени и любопытству – основным двигателям прогресса – мы смогли полноценно обжить пять экзопланет без особого ущерба для их природы и беззаветных людских жертв во благое дело. Даже природное свойство особи *Homo Sapiens* – некоторая агрессивность, присущая и лучшим представителям вида, нашла свое применение не в войнах или переворачивании с ног на голову социального мироустройства, а в мирном применении пассивных наклонностей отдельных личностей.

Взять того же Александра – координатора Всемирной ассоциации наук у нас на Шестом. Этот энергичный до невозможности человек мог бы создать новую религию, основать секту, относительно реалистичную по степени научности, или возглавить гиперактивную политическую партию. Но он подался в науку, слава высшим силам, или кто там восседает на гипотетическом облачке, чему я безмерно был рад.

Наличие технологий – вооружения, тонкой и точной исследовательской техники, брони и машин – здорово расхолаживало. Мы считали с первых дней существования Корпуса первопроходцев, что армированный тяжелый вариант экзоброни – панацея от любых зубов, а чтобы понять, как работает кремнийорганическая клетка, можно просто сунуть ее под квантовый электронный микроскоп с высоким разрешением. Я и сам наступал по первому времени на эти грабли. Но иногда наблюдательность и определенная степень безумства приносили гораздо больше плодов, чем подход сугубо научный или прямо военный.

И сейчас в очередной раз предстояло решить, на что полагаться – на собственную природу и интуицию либо на пробирки и датчики. Среднего варианта, к сожалению, почти никогда не удавалось достичь, хотя мы с научным отделом все время пытались.

Лететь на экватор с нашей условно средней полосы, где располагалась колония, было недолго – около пяти тысяч километров, Шестой мир оказался немного мельче Земли. На предельной скорости флаера – почти пять часов, но крейсерская скорость грузовых шаттлов была ниже, и мы равнялись на них. Таким неспешным порядком мы рассчитывали прибыть туда на закате, аккуратно успевая развернуть два жилых модуль-блока – для нас и для «Апостола» – и нанопротекторный защитный купол.

Пока автопилот скрупулезно выполнял возложенные на него обязанности, я расспрашивал Романа о его трудовых подвигах до момента знакомства со мной.

– А вот Расскажи мне все-таки, как ты звездный берет заработал?

Роман слегка пожал плечами – для него берет особенным не был, я так понимал, что он считает это достижение очередным пунктом на пути к одной ему ведомой цели.

– Да ты знаешь, ничего особенного. Подтянул кое-что, да по нормативам и сдал. Лучше ты мне скажи, почему ты не беспокоишься насчет «Апостола»? Они неспроста рвутся на экватор, да еще затребовали всех, до кого смогли дотянуться.

Тут уже я пожал плечами.

– А не все ли равно? Мы так и так узнаем. Хотя ты прав, – вздохнул я. – Беспокоюсь. Мне кажется, им интересен отнюдь не экватор, а мы и наша работа. Как бы это не было промышленным шпионажем со стороны промышленников, – скаламбурил я и призадумался.

В самом деле, если хорошенько поразмыслить, деятельность первопроходцев не была тайной за семью замками, и любой мало-мальски нормально экипированный отряд знакомых со спецификой Шестого крепких наемников с иглометами вполне мог нас успешно заменить. По идее.

А фактически наш сплав интуиции, опыта, технологий и неумного интереса делал нас максимально незаменимыми, о чем я не устал говорить всему Корпусу периодически – чувство собственной важности и нужности штука нежная, его регулярно стоит подпитывать. А до поры до времени засекреченные со стороны Общепланетарного правительства Тайвиновы разработки типа того же защитного купола добавляли нам ореол таинственности и неуязвимости. Может, я прав, и в очередной раз у нас пытаются прихватизировать что-то важное?

Но наниты уже появились на черном рынке, а ничего принципиально нового в сфере науки у нас пока не происходило, так что оставалось пока теряться в догадках и строить конспирологические предположения.

Флаеры подлетели к точке высадки, и я со спокойной душой отдал Роману управление. Приборная панель переориентировала указатели и индикаторы к нему, а я спрыгнул на незнакомую территорию экваториальных дебрей. Мгновенно привычным движением активировал малый защитный купол, развернувшийся радужной пленкой на пару метров. Из-под ног выскочили вездесущие химерки, а чуть вдалеке взревела неприятным скрежетом стайка пентаподов – их спугнули посадочные огни и непривычная возня каких-то странных по их меркам существ.

Крупного и опасного зверья я поблизости не наблюдал – и постепенно, программируя на ходу узел производства нанитов, расширил зону влияния человека до нескольких сот метров. Сюда, на относительно безопасную территорию, приземлились флаеры экспедиции и два грузовых шаттла, тут же автоматически развернувшиеся в жилые модуль-блоки. Я прочесал совместно с Уиллом территорию, особых причин волноваться не нашел, и первый вечер экспедиции был вполне мирно завершен всеобщим обустройством, хотя и не без напряженных переглядываний между нами и апостолями.

Рано утром Честер, стоя на краю расчищенной площадки, с любопытством вглядывался в полупрозрачные экваториальные дебри Шестого.

Здесьние цвета поражали интенсивной яркостью у мимикрирующих теплокровных животных и крупных агрессивных хищников, под которых теплокровные подстраивались, остальной же мир производил впечатление снежного шара – полупрозрачная, хрупкая, похожая на слякоть трава, насыщенная древесная глазурь леса, цветы муранского стекла – за защитным куполом все казалось игрушечным, выпуклым и донельзя уязвимым.

Шестой мир словно остановился перед Пермским вымиранием – в реках и морях кипела жизнь, а леса и целые травяные океаны содрогались под буйным натиском насекомой фауны. При этом практически не было пресмыкающихся, но уже мелькали теплокровные животные, крайне мало было и земноводных, хотя водных позвоночных хватало с избытком.

Больше половины животного мира, да и растительного тоже, подчинялось радиальной симметрии и симметрии с разным количеством осей: принципа «два глаза, два уха, четыре лапы» придерживались только крупные инсектоиды и мимикранты.

Бегали вокруг диски с парным и непарным количеством ног, двояковыпуклые и двояковогнутые шары и сферы, спешащие по своим насекомым делам, многолучевая хищная радиолярия размером с кулак тащила добычу, обернувшись вокруг нее в неравномерный многоугольник – три луча держали еще шевелящуюся малую химерку, а остальные четыре перебирали поверхность почвы в сторону видневшейся невдалеке норки, посверкивая в разные стороны простыми глазками – а ну как отберут обед!

Геологи говорили, что все дело в отсутствии значимых подвижек тектоники, а биологи ссылались на плавный темп развития живого мира. Результат был один – если на Земле, благодаря или вопреки нескольким массовым вымираниям и ледниковым периодам сформировалась крайне нестабильная экосистема с кардинально противоположным разнообразием видов, то здесь сохранялся мягкий, теплый и влажный климат. Он без существенных потрясений равномерно покрывал планету, а слабые границы климатических зон позволили эволюции провести четкую границу между существами водными и наземными, теплокровными и инсектоидными.

Кремнийорганическая структура органических молекул диктовала кристаллическую логику формирования живых тел с поправкой на требования живой природы – куб или призма не смогли бы эффективно двигаться под влиянием ветра, воды или в почве. Поэтому безжалостная внешняя среда обтесала острые кремниевые грани до звезд, сфер, шаров и цилиндров, а также причудливых организмов со сложной симметрией или вовсе асимметричных.

Роман наблюдал за начальником со смешанным чувством беспокойства, близкого к отеческому, и гордости, свойственной наставникам. Иногда ему хотелось схватить Честера за шкуру и надавать по рукам и пониже спины, как дитю неразумному, ибо границ его любопытство не знало, и он спокойно мог попытаться сунуть в рот хвоинку или травинку – и, разумеется, порезаться, а стремление погладить и взять на ручки живность, хотя бы отдаленно дружественную с его точки зрения, нарушало все законы естественного человеческого инстинкта самосохранения.

Но провидение, интуиция или что-то еще охраняло неоперившегося балбеса. Еще ни разу рыжеглазый глобально не получал по шее от чуждого человеку мира, в отличие от остальных ребят. Единственным исключением стал случай с ложной скорпикорой, но тогда Честер был совсем несмышленным юнцом в понимании опытного астродесантника.

– Роман? – Честер вопросительно обернулся в сторону первопроходца. Тот, одобрительно улыбнувшись, пошел к границе защитного купола. Глава оперативников так и не смог преодолеть барьер возраста и опыта: хотя номинально Честер и был начальством, но хорошо помнил, как Роман его в тренировочный период перед началом полевой работы по симуляциям гонял, и жутко смущался обращаться к нему более фамильярно, и тем более приказывать, хотя остальных бойцов молодое дарование пинало как ту скорпикору, и в хвост, и в подхвостье.

– Смотри, – Честер кивнул за пределы безопасного пространства. – Что-то я никак не пойму, как оно прячется. И что это? Вроде знакомое насекомое, но вспомнить не могу.

На траве крутилась вокруг своей оси странная сфера, то появляясь, то исчезая, у которой, казалось, три дискообразных сегмента тела, ее образующих, не имели никаких видимых ограничений в осях вращения относительно друг друга и относительно неба и земли. На каждом сегменте торчала в стороны пара суставчатых лап, в их основании – жесткие коготки, а между лапками приглашало в гости раззявленное ротовое отверстие, полное острых темно-коричневых выростов-зубов и окруженное россыпью простых глазков.

Тварюшке было одинаково удобно стоять двумя ртами вверх, а одним вниз, а в следующее мгновение – наоборот. Лапки, становясь на землю, приводили в движение коготки – и те топорились, сверкая капельками токсичного секрета, предупреждая хищников покрупнее о ядовитости и зловредном характере. Роман направил на членистоногое смарт, и созданный

первопроходцами при активной поддержке ксенозоологов перечень самых распространенных существ услужливо пикнул.

– Герион трехтелый, ядовитость умеренная, бегают быстро, кусается знатно, руками лучше не трогать, если антидот не под рукой. – Первопроходец тяжело вздохнул, видя в позе начальства откровенную задумчивость на грани с решимостью. – Под рукой?

Честер отмер, не отрывая взгляда от мерцавшего в пространстве гериона, нашарил поясную сумку с препаратами и кивнул. Он протянул напарнику, достав наощупь, антидот в продолговатом автоинъекторе с ромбовидными насечками, что позволяло опознать препарат не глядя при любой освещенности.

– Я не в восторге от этой идеи. – Основательным недовольством и тяжеловесностью интонации во фразе Романа можно было перешибить хребет пещерного медведя – но не неумное любопытство главы оперативного отдела.

Честер, надвинув на глаза щиток визора, высунулся из-за фильтрующей запахи, вкусы и жизнь Шестого мира прозрачной, чуть радужных оттенков, но прочной защитной границы купола жизнеобеспечения.

И Роман в очередной раз поразился тому, как меняется вся сущность этого человека за одно мгновение – из разумного и рассудительного лидера он мгновенно превратился в первоходца в живой среде обитания: жесты скупые, но осторожные, глаза горят от любопытства, каждая мышца застыла в ожидании броска, чувства на пределе.

Мгновение – и в руках у Чеза бессильно бьется герион, бешено скрежеща зубами, беспорядочно размахивая лапками и отчаянно царапая перчатки защитной брони коготками.

Честер, поймавший добычу, поднес ее чуть ближе к визору, и, осторожно пощекотав гериона по условно вентральной стороне тела – если место, где нет рта, можно было считать животом – отпустил животное. Напоследок герион всеми тремя ртами плюнул в оперативников и, без усталости выказывая крайнее возмущение, на всей возможной скорости удалился.

– Будь это создание размером хотя бы с обычную кошку, я бы на Шестой не полетел, страсть какая, – проводил его уважительным взглядом Честер. Направив взгляд к небу, он особым образом сложил пальцы в ставшем традиционным жесте первоходцев, и мгновенно, надсадно жужжа, прилетел дрон, замерев в метре от людей.

– Трансляция включена, – механический голос после общения с живой природой воспринимался неуместно, и первоходцы синхронно поморщились.

– Экваториальный участок, координаты по смарту, полный малый экспедиционный состав, руководитель Честер Уайз, заказчик – синдикат «Апостол». Герион трехтелый, уточнить описание: при опасности для жизни может плевать ядом на расстояние до метра. Состав и действие будут уточняться, предположительно силитоксин, но выработанный внутри тела животного, скорее всего, в ротовой полости. Обнаружено неизвестное вещество, позволяющее гериону сливаться с окружающей средой, будет проведено изучение. – Закончив краткий отчет, Честер махнул рукой, и дрон, мигнув красным диодом в знак отправки сообщения, удалился ввысь.

А удобная штука – дрон! Надо тебе отправить сообщение – надиктовал, и через минуту оно по всем спискам контактов пришло: и нашему начальству, и военным в «Авангард», и колониальной полиции, и в научные сектора. Сняв визор, я с сожалением посмотрел на заплеванную электронику: придется отдавать Тайвину на анализы, плакал мой такими трудами и с такими сложностями настроенный прибор горячими слезами. Хотя, чего греха таить, не в первый раз и наверняка не в последний. Гораздо больше меня интересовала субстанция, которую я соскреб с мелкого паршивца.

Пальцы, измазанные в чем-то невидимом, тоже пропадали из поля зрения, и наощупь странное вещество было больше всего похоже на пленочку детергента – скользкое, нестираемое с защитных перчаток, чуть пенящееся. Так я с визором наперевес в правой руке и выставленной вперед левой и пошел бы, только Роман меня тормознул, практически ухватив за талию.

– Ретивый какой, – ворчал он, внимательно меня осматривая. – Антидот, значит, сунул, а я дежурь, цапнет тебя герион или обойдется. – Удостоверившись в том, что капли силитоксина не попали на кожу, он осторожно расстегнул аптечку и со щелчком вставил препарат на подходящее место обратно, стараясь не задеть визор и испачканные перчатки.

– Смотри, до чего технологии дошли, – тем временем восторженно вещал я. – Когда мы начинали, разве была такая броня? Перчатками убить можно было! А теперь я все чувствую, будто без защиты за гериона схватился.

Роман глубоко вздохнул, прикрыв глаза и поджав губы – он столько раз оттаскивал меня без перчаток, без шлема и визора, в облегченной броне от местной живности, что я и сосчитать бы не смог.

Я бы и рад не подставляться лишний раз, но как, если кругом так интересно! Это сейчас мы более или менее знакомы с флорой и фауной, по крайней мере, химерок больших и малых, больше всего похожих на перекормленных стероидами кузнечиков сферической формы, я спокойно отличу друг от друга, а первое время я только и делал, что упоенно часами охотился за ними в свободное от работы время, убедившись в их относительной безопасности.

– Признаю свою вину, был неаккуратен, – решил польстить я своей левой руке и серому кардиналу, и осторожно поинтересовался. – Пойдем?

Никак я не могу преодолеть inferнальную робость и сверхъестественный трепет – лучший звездный берет, и под моим началом, да быть такого не может! Роман царственно кивнул, и мы пошли: я вдохновенно пел оды развитию технологий, а первопроходец степенно отвечал на особо эмоциональные мои восклицания.

В обозримой видимости показалась та часть модуль-блока, которую отдали аналитикам и ученым, и я прибавил ходу. Навстречу мне выскочил Тайвин и хищно уставился на визор и перчатки.

– Тайвин, – торжественно начал я. – Я поймал гериона!

– Невелика добыча, – насмешливо фыркнул он. – И где?

– Отпустил! – загадочно улыбаясь, просветил я и, не в силах дольше держать в себе открытия сегодняшнего дня, выпалил: – Он ядом плюется, из всех трех ртов!

Тайвин скептически приподнял бровь, но заинтересованный огонек у него в глазах я увидел.

– Считалось же, что у него выработка силитоксинов только в ампулах желез в основании лап. А вот ни черта это не так! – и я торжествуя потряс перед ученым испачканным визором. Тайвин немедленно попытался его цапнуть, но я был быстрее. Мгновенно посерьезнев, я напомнил: – Перчатки наденьте. И пробирку, или что там у вас для проб, принесите.

– Пусть будет пробирка, все равно вас учить бесполезно, – едко ухмыльнулся гений и, ткнув себе куда-то на запястье, продемонстрировал наноброню, обнимающую в мгновение ока руку. Я присвистнул, такое я и себе бы хотел. Тайвин, из-под очков наблюдающий за моей реакцией, отыгрался сразу за все просчеты передо мной:

– Я почти закончил, скоро поступит к вам в отдел. Спасибо дихлофосу, кстати, вы были правы. Я усовершенствовал систему воспроизводства нанитов и передачу между ними информационного импульса. Броня будет почти непробиваемая, и потребность в химикатах снизится, не придется считать, что мы взяли из анатоксинов и антидотов, а что нет.

Вот ведь язва какая! Я подобрался и с еще более важным видом сунул ему под нос руку в защитной перчатке. Странное вещество продолжало обнимать пальцы, делая их полностью

прозрачными для взгляда, но теперь площадь объема субстанцией увеличилась, невидимыми становились не только кончики пальцев, а половина указательного и среднего.

Штатный гений жадно припал взглядом к моей руке, и повелительно потребовал:

– Честер, отдайте немедленно!

А то я не понимал. Пожав плечами, я отстегнул перчатку от брони и отдал ученому, тот вцепился в нее, лихорадочно пожирая глазами и бормоча нечто неразборчивое вроде «начала масс-спектрометрия, потом под микроскоп, электронный же взяли, чашки Петри должны были оставаться...», и уволок в исследовательские недра, бросив заплеванный визор на бессменных лаборантов. Понимая с ними переглянувшись, мы разошлись по рабочим местам, а я вспомнил, как впервые столкнулся с животным миром Шестого и познакомился с нашей знаменитостью.

Интерлюдия 4. О скорпикорах ложных замолвите слово

– Кто пустил в казарму скорпикору? – недовольно вопрошал у подчиненных военный, уверенный в том, что бойцы с животным справятся, но раздраженный самоуправством.

– Я пустил, – седовласый возник за его спиной и примиряюще похлопал по плечу. – Неплохое начало практики, верно?

И подмигнул своим ассистентам. Военный язвительно спросил:

– Бронированная ядовитая тварь в помещении, полном спящих людей, по-вашему, отличная идея? Я не намерен терять парней до того, как они начнут хотя бы просыпаться.

– Такова жизнь, – философски пожал плечами седовласый, который знал о вживленной под броню твари капсуле со снотворным, в отличие от остальных. – Тайвин, обратите, пожалуйста, внимание на новый набор, а особенно – вот на этих субъектов.

Он ткнул стилусом в голограмму, транслирующую вид на казарму, увеличивая изображение, и последовательно отметил девушку, близнецов, еще нескольких парней и Честера.

– Что я там не видел, – буркнул молодой человек в прямоугольных очках за соседним столом, уставленным аппаратурой и устланным бумагами с графиками и расчетами. – Опять привезли кулаки да мышцы.

– О, вы их сильно недооцениваете. Это смешанный набор, Тайвин, и, поверьте, в этот раз голова у ребят на месте не только для того, чтобы в нее есть, а извилин поболее, чем для поддержки фуражки.

– М-да? – задумчиво протянул ученый. – Посмотрим. А они у вас все сразу проснутся?

– Нет, что вы, зачем панику создавать на пустом месте. Сначала самые перспективные, для них дозу анабиотика с другим таймером пробуждения рассчитали.

Просыпаться от нехорошего предчувствия у меня начало входить в привычку. Как я год назад проснулся от фееричного Романова посещения, так до сих пор каждое утро чутье говорит мне – вставай, нас ждет новый день, полный опасных неприятностей, это же так весело.

Я открыл глаза и, не спеша вставать, повернул голову, чтобы понять, что вокруг меня происходит. Последнее, что я помнил – наша красавица-планета, вид извне, в жизни бы не подумал.

Вокруг меня стояли койки со спящими попутчиками, а моя кроватка обреталась почти у выхода из помещения. Справа от меня что-то неприятно цокало, шуршало и пощелкивало по металлическому полу, словно кто-то запустил в казарму птицу размером с хорошего пса.

Скосив глаза, я увидел сначала пушистую кисточку хвоста, затем в поле зрения появился он сам, сегментированный и бронированный, а затем уже вся красотка-скорпикора в своем инсектоидном величии. Я выругался – разумеется, про себя, и принялся наблюдать.

Насколько я видел, просыпаться пока, кроме меня, никто не спешил – или просто не хотели связываться с животным, и я понял, что разбираться придется самому, а то она может дел натворить, панику посеет, прибьют в суматохе, а жалко. Скорпикора была изумительно прекрасна – черно-красная лакированная окраска головогрудных пластин рассказывала окружающим об исключительной ядовитости, в ярко-красной опушке кончика хвоста поблескивало антрацитом жало, коготки беспокойно перебирали по полу, а красные усы беспрестанно шевелились – скорпикора чувствовала себя не в своей тарелке, нервничала и приноживалась, шурясь россыпью простых глазков.

Я вспомнил, что писал Салливан, точнее, я, а еще точнее – мы с ним: ядовита, пулями не возьмешь, иглометом тоже, бегают быстрее гепарда, при малейшем признаке опасности для себя старается первым делом ужалить, но первая на более крупное зверье не нападет, сначала предупредит.

Единственный выход – не тревожить, осторожно пройти мимо, желательно в тяжелой экзоброне и с гранатометом наперевес, так, на всякий случай. Ни того, ни другого я у себя не наблюдал, но интуиция не давала мне покоя, что-то со скорпикорой было не так.

Инсектоиды Шестого мира, как я понял из посыпавшихся градом статей по мере того, как ученые получали сведения с новой планеты, существа, в чем-то по поведению схожие с нашими скорпионами или пауками. Те тоже не будут нападать просто так, но если их напугать или разозлить – мы получим мечущееся во все стороны со скоростью взбесившейся молекулы многоногое ядовитое создание, которое будет жалить все вокруг до последней капли яда, пока не успокоится. Перспектива так себе, понял я, и тут скорпикора меня удивила. Она моргнула! Моргнула? Членистоногое?

Внимательнее приглядевшись, я понял, что вижу грандиозную аферу от матушки – дикой природы: передо мной во всей красе стояла не скорпикора Салливана, а моя, ложная скорпикора! Животное было теплокровным, костяные пластины только имитировали хитиново-кремниевую броню настоящего хищника, простые глазки оказались обманной окраской шерсти вокруг настоящих, встревоженных донельзя, бока вздымались в неравномерном дыхании.

Судорожно порывшись в памяти, я воскресил подробности, которые сочинил про нее, посмотрел на себя – в шаттле засыпал я в легкомысленной оранжевой футболке и любимых черных штанах с кучей карманов, в них же и проснулся – и решился на крайние меры. Скатившись с кровати, сгруппировался, подражая позе скорпикоры, и тихонько мяукнул, чувствуя себя полным идиотом.

– Вам надо, как бы выразиться, более тщательно подбирать протезы, – с сочувствием глядя на седовласого, сказал военный. Тот недоуменно следил за развитием событий, не понимая, что Честер задумал. А вот Тайвин с любопытством подался к экрану.

– Интересно, как он понял?

– Понял что? – в один голос спросили военный и седовласый

– Царь ненастоящий. В смысле скорпикора ложная.

– А вы как поняли? – уточнил у ученого седовласый, которому о необычной природе твари сообщили.

– Описание и поведение как на той записи, где некий молодой человек рассказывал про ложную скорпикору, – ответил Тайвин и спросил: – Кстати, это часом не он сам?

– Он, – подтвердил седовласый.

– Да, должен признать, на этот раз вы меня удивили. Но что настоящая скорпикора, что ложная – опасные создания, не представляю, как он будет с ней справляться.

– Да что там справляться, иглометом ее, раз она без брони, – пробурчал военный, теряя интерес к ситуации.

– Все бы вам игломет, гранаты да бластеры, – укоризненно покачал головой ученый. – Во-первых, она не менее защищена, чем скорпикора Салливана, во-вторых, она на порядок умнее, у нее сложная нервная система, в-третьих, ее яд хоть и не смертельно опасен, но обширный химический ожог гарантирован. И потом, как вы себе представляете метание гранат или стрельбу в замкнутом помещении?

Военный кивнул, признавая правоту молодого человека, и все трое с интересом прикинули к трансляции – скорпикора отмерла от легкого шока и начала действовать.

Поскольку я свалился к своей красавице практически под передние лапы, далеко ей прыгать не пришлось. Немного подумав, она с интересом протянула вперед усатую морду и, смешно фыркая мне в лицо, начала обнюхивать, щекоча вибриссами.

Оказалось, что обрубленная бронированная головогрудь – тоже маскировка из шерсти и костяных пластин, в них пряталась похожая на кошачью любопытная мордашка.

Выглядел я, судя по всему, в ее понимании как странный, несколько долбанутый на голову детеныш. Примерно на такой эффект я и рассчитывал – у ложных скорпикор гипер-развитое чувство ответственности за потомство. Каждое оранжево-черное существо размером чуть меньше ее самой скорпикора потащит к себе в гнездо и будет обихаживать, любить, кормить и растить, это помогает виду выживать в сложных условиях.

Скорпикора нежно обвила меня хвостом и принялась быстро-быстро что-то щебечущее намурлыкивать – пыталась и меня успокоить, и сама успокоиться. Я умилился. Теперь моей задачей было, никого не перебудив, вывести ее из казармы и отправить домой в здешние джунгли, желательно чтобы ее и меня на улице никто не пристрелил.

На соседней кровати шевельнулся Роман – открыл глаза, кашлянул – и напуганная скорпикора со всей дури отпрыгнула от источника звука, врезавшись бронированными пластинами мне в бок. Я упал, и надо мной во все свои шесть лап – четыре настоящих и две ложных – стояла сердитая и испуганная ложная скорпикора в позе атаки.

Хвост наизготовку, пластины сдвинуты, шерсть дыбом. Жало на хвосте влажно блеснуло, и я понял, что раз уж тренированная первая ласточка встретила утро нового дня, то и остальные скоро начнут просыпаться и чистить перышки. Я еще раз тихо мяукнул, привлекая внимание и зверя, и Романа.

Тот, увидев скорпикору, замер, понимая, что не может ничего противопоставить хищнику, и вопросительно посмотрел на меня. Я выразительно скосил глаза на дверь, и Роман, чуть заметно кивнув, осторожно потянулся к тумбочке рядом с кроватью – на ней лежал код-ключ, открывающий выход наружу.

Пока астродесантник старался, не провоцируя нападения скорпикоры, дотянуться до ключа, я принялся отвлекать ее внимание. Медленно, чуть дыша, я привстал и, как заправский кошка, мягко потерся о бок животного головой. Это был риск на грани фолла – не факт, что психология скорпикоры хоть на пару процентов схожа с поведением и жестами земных кошек, но мне казалось, что так будет правильно. Скорпикора скосила на меня дикий глаз. Я постарался максимально дружелюбно мурлыкнуть.

Она переступила лапами и дала мне подняться на четвереньки, затем злобно зашипела в сторону схватившего ключ Романа, снова обвила меня хвостом и лизнула. По моей щеке словно прошли крупной теркой, но я был искренне рад, что животное удалось успокоить и отвлечь.

Я глянул на астродесантника, тот покачал в пальцах ключ и показал едва намеченным жестом бросок в мою сторону. Я не оценил и отрицательно качнул головой, затем еще раз посмотрел на дверь. Роман понял – если он кинет ключ мне, скорпикора кинется. На него, на меня, а, может, еще на кого, а вот если кинуть ключ в сторону двери, то при точном броске она откроется – код-ключ действовал на всю область замка, – и мы получим с этой славной кисой путь на свободу.

Прицелившись, Роман метнул ключ, попав точно в пластину замка. В результате я не сомневался – других в астродесантники не берут. И я, кончиками пальцев почесывая дернувшуюся от резкого движения скорпикору за правым ушком, обнаружившимся за головной костяной нащепкой, медленно повлек ее к выходу, по-прежнему чувствуя себя полным придурком – босиком, в футболке и штанах, ползу на четвереньках в обнимку с одним из опаснейших зверей Шестого мира. Только бы никто больше не проснулся!

Выползая из казармы на улицу, я молился всем известным и неизвестным сущностям, чтобы это была обычная площадка учебной части, без охраны и толп людей. К моему счастью, на улице не было никого, рядом с казармой разместили спортплощадку для разминки, а за ними серой полосой возвышался бетонный забор. Как могла скорпикора перескочить через почти четыре метра забора, я так и не понял. И тем более у меня не было идей, как вернуть ее обратно.

– Полнейший гамадрил, – с удовольствием в голосе сказал Тайвин. – Но мне нравится.

– Я рад, – и седовласый действительно был рад, внимания Тайвина, молодого гения, на его памяти не удостаивался из предыдущих наборов практически никто, разве что Роман.

– Увеличьте картинку. – Изображение подалось вперед, и вскоре ученый внимательно разглядывал заинтриговавшего его до исследовательской щекотки (разобрать и изучить!) Честера. Ничего выдающегося, просто правильный овал лица, классические греческие пропорции черт, чуть вздернутый нос, немного восточный разрез глаз... на самих глазах Тайвин застрял на полминуты. – Интересный случай. Пожалуй, мы можем сработаться.

Дверь в казарму приоткрылась, и оттуда выглянул настороженный Роман с иглометом, а из-под его руки две любопытствующие рыжие головы – кто б сомневался! Я меж тем судорожно пытался сообразить, что делать дальше.

Вдруг со стороны соседнего строения донесся невнятный шум и вопль: «Скорпикора! Гранату неси!», и скорпикора рванула вперед. Подхватив ее поперек пуза, я понесся к спортплощадке, осыпaeмый ударами хвоста – такой подлости она от меня не ожидала и рефлекторно среагировала – и, хорошенько размахнувшись, метнул ее, навскидку просчитав траекторию, в центр стоявшего рядом с забором батута. Глазомер в кои-то веки меня не подвел, миг – и ошарашенная скорпикора висит на передних когтях на краю забора, стараясь подтянуться, перелезть и забыть про это место, как про самый страшный кошмар.

Я не знал, чем ей помочь, но искренне переживал за животное, пока со стороны казармы ей в основание хвоста не прилетел тяжелый армейский ботинок. Чувствительный пинок в нужную точку произвел должный эффект: скорпикора коротко взревела, раскрыла радужные крылья, которыми оказалась вторая ложная пара лап, мгновенно перебросила тело через забор и канула в дебри леса.

Мне оставалось только выдохнуть. Обернувшись, я увидел босого Романа с иглометом наизготовку и оруженосцев – рыжих близнецов, вцепившихся во второй ботинок.

– Ты кидал? – восхищенно спросил я. Роман ошарашенно кивнул. – Ну ты берц!

Рыжеволосые хихикнули. Я осмотрелся – футболка и штаны были залиты химически пахнущей ярко-желтой жидкостью, но в ткань она не впитывалась, а на левой руке вздулась шишка – все-таки один раз дотянулась.

Я покачал головой и увидел, как со стороны соседнего здания быстрым шагом к нашей компании подходит целая делегация. Подтянутый военный в возрасте, по лычкам – полковник, давний знакомый – седовласый Воланд, и тонкий как струна, и по виду столь же острый на движения – и, скорее всего, на язык, подумалось мне, молодой человек в прямоугольных очках, за ними – люди в форме и несколько субъектов в белых халатах.

– Честер, вы понимаете, что могли ошибиться и шагу не ступить по вашей вожаделенной хтонической земле? – поинтересовался седовласый.

– Кто, я? Зато ложную скорпикору увидел. – Я зажмурился от удовольствия.

– Руку дайте, – непререкаемым тоном заявил очкастый, и я без возражений протянул не правую ладонь для приветствия – вот еще, обойдется – а левое ужаленное предплечье.

– Молодец, – и пока я возмущенно проглатывал ругательства в адрес такого фамилльярства, к месту укуса он приставил портативный вакуумный экстрактор, мгновенно всосавший в свои недра большую часть яда.

– Остальное поболит несколько дней. Повернитесь. – Я беспрекословно повернулся, и с меня срезали сначала футболку, затем любимые мои штаны, залитые ярко-желтым ядом ложной скорпикоры. Если за пару минут до этого я чувствовал себя дебилом, шатающимся с ней на карачках по части, который потом кидается незнакомыми зверями в батут, то сейчас я был полным дебилом в трусах на всеобщем обозрении. Из казармы высыпал проснувшийся народ, и я почувствовал, что еще пара минут – и мне по гроб жизни от позора не отмыться. Поэтому я невозмутимо кивнул, приветствуя ребят, и произнес:

– Профосмотр. Я смелый, первый пошел, мне положена конфетка. Кто за мной?

Очкарик столь же невозмутимо запустил руку в карман халата и, вытащив маленький леденец в яркой обертке, протянул мне. Я с достоинством кивнул, забрал, развернулся и, пока население казармы не поняло, что происходит, ушел в казарму – отмываться и переодеваться. Близнецы, рассудив, что такой профосмотр им и даром не нужен, даже за конфетку, увязались следом.

Глава 5

О чем может мечтать человек в тот момент, когда его поманили гипотетической конфеткой, при этом тут же ее изо рта изъав самым наглым образом? Разумеется, я мечтал оказаться поближе к возделенной нанитовой перчатке. Нет, каков поганец! Заинтриговал перспективной разработкой и смылся незатейливым образом в кусты вместе со своим роялем наперевес.

Я теперь не то что спать не смогу, я не смогу спокойно бутерброд себе сварганить и съесть, буду бояться подавиться в мечтах занять такую роскошь. Зажмурившись, я представил себе, скольких проблем мы могли бы избежать, изобрети Тайвин свою чудо-броню хотя бы на год раньше. А лучше на два. Но лучше поздно, чем без нее, честное слово. А вот я молодец, я выбил под шумок грант для Эйнара. Таких тетушек, как у него, бесспорно, надо направлять в правильное конструктивное русло, в том числе с помощью финансовой мотивации.

Так что я попереживал, что не могу прямо сейчас вернуть из загребущих лапок ученого хоть одну перчатку – старую-то он, получается, тоже стибрил! Но быстро утешился удовольствием лицезреть воочию чувство знатного удивления на лице Алана. Он вышел из временного жилого модуль-блока, развернутого для промышленников, с каким-то распечатками в руках, и застыл на пороге, наблюдая сцену отбирания у меня перчатки. Славно, а то я уж было начал думать о том, что его в принципе пошатнуть невозможно ни с какой стороны – настолько мону-ментально он умудрялся выглядеть практически при любом раскладе.

– Алан, доброе утро, – поприветствовал я руководителя промышленников. – Готовы к геологическим свершениям?

– Не вполне, – задумчиво отозвался апостолец. – А вы случайно не в курсе, как складывается судьба изобретений Тайвина?

– В смысле? – переспросил я. – Вы имеете в виду, когда его разработки выйдут на общепотребимый уровень? Это вы у «Авангарда» интересуйтесь, не ко мне вопрос.

На самом деле я слегка кривил душой. Все я прекрасно знал, но делиться с апостольцами тернистыми путями утекания первопроходческих тайн не спешил. Официально все, что мы находили, будь то новая неведома зверушка, растительность или минерал, фиксировалось в системе учета информации – ее обеспечивали дроны связи. В каждую экспедицию мы были обязаны брать с собой эти летучие многофункциональные станции. Они мониторили наши передвижения вне жилых модуль-блоков, отслеживали предпринимаемые нами и нашими подопечными действия, а по любому моему чиху подлетали с суборбитальной траектории для дополнительных записей и мгновенной передачи во все забытые в их контакт-лист инстанции.

Прелесть использования дронов связи я оценил отнюдь не сразу. Первое время меня несколько угнетала необходимость находиться под наблюдением беспристрастного электронного ока. Не Большой Брат, и вокруг не реальность антиутопии «1984», конечно, но приятного мало. Но потом я смирился, поняв, что пользы от такого присмотра больше, чем иллюзорного вреда для моей свободолобивой натуры.

Потом, после записи отчета, данные уходили в разные научные подразделения – дроны сами фильтровали по ключевым словам рапорты, и информация попадала в нужные цепкие руки биологов, физиков, геологов и прочей ученой братии. А при малейшем намеке на вред первопроходцам подключалась помощь колониальной полиции во главе с Энтони – эдаким шкафчиком два на два в кубическом эквиваленте воплощения старательной справедливости. Я никогда еще не встречал более упертых и вместе с тем более честных и прямых образчиков человеческой породы.

А если нас пытались совсем обидеть, в дело вступал «Авангард» – молодчики из военного подразделения, служащего в Шестой колонии местным напоминанием ее жителям о существовании такой полезной штуки, как Межмировое правительство. Вон ту находку на место поло-

жите, пожалуйста, не ваша юрисдикция. И руками попросим первопроходцев не трогать, а то придет астродесантный укомплектованный ай-яй-яй и покажет раков зимой.

Так и существовали – мы контролировали туристов и колонистов, делились полезными сведениями с учеными и получали от них отклик, а нас самих курировал «Авангард». И, конечно, все Тайвиновы придумки сначала проходили обкатку у нас, потом торжественно вручались военным – и, соответственно, правительству, потом при их одобрении передавались ученым, а вот в какой момент происходила утечка на черные рынки, история стыдливо умалчивала. Этот вопрос был не в моей компетенции, и я не особо интересовался успехами поиска и поимки технологических воров.

А вот кто, что и когда у нас из-под носа изящно перехватывал в обход «Авангарда», мы прекрасно видели. Тот же «Апостол», будь он неладен, уже трижды лично мной в колонии палился на использовании нанопротекторной технологии защиты грузов и оборудования, хотя официально Тайвин свою обожаемую драгоценность военным от сердца оторвал едва ли полгода назад, все хотел до ума довести для начала.

Для меня оставалось загадкой, каким образом ушлые промышленники увели алгоритм воспроизводства нанитов, и я ожидаемо не стремился общаться с их представителем сверх предполагаемой нормы.

Алан невозмутимо пожал плечами, показывая, что ему в сущности все равно, он может и подождать, во что я ни капельки не поверил. И принялся выяснять обстоятельства, волей апостольской приведшие нас в самый эпицентр жизненной силы Шестого мира.

– Просветите меня, пожалуйста, что мы делаем на экваторе? – как ни в чем не бывало, спросил я. – Вы причины так и не назвали до отлета, хотя по-хорошему мы имели право знать заранее.

Алан снова чуть пожал плечами – интересно, а в его арсенале жестов кроме небрежного еле уловимого плечепожатия еще какие-то позы имеются? – и отвечал вопросом на вопрос слегка оторопевшему мне.

– Что вы знаете о нерукотворных ликах Христовых, Честер?

– Разрешите взглянуть?

В руках у апостольца я заметил распечатки с изображениями. Промышленник протянул их мне, и я был вынужден констатировать тот факт, что сочетание светотеней действительно напоминало лицо. Но с весьма специфическим саркастичным выражением – будто предполагаемый лик пытался не рассмеяться в голос, и отнюдь не от смешной шутки. Я повернул изображение одним боком, другим, вверх ногами. Иллюзия мгновенно растворилась – передо мной по-прежнему был простой спутниковый снимок местности.

– Не знаю, что вы хотите от меня услышать, но в нерукотворные лики я верю намного меньше, чем в парейдолию.

– Простите? – вежливо поинтересовался у меня Алан, и я охотно пояснил.

– Видите ли, когда-то я увлекался изучением биологии и загадок человеческого мозга, и знаю о его склонности стараться обобщить все, что человек воспринимает, найти систематичность даже в полном хаосе. И мне кажется, что ваши лики – лишь следствие чьей-то повышенной способности к ассоциативно-образному мышлению. Или в ваших рядах есть фанатики, – неловко пошутил я. – Неужели вы в экзотические экваториальные тигулы только за призрачным ликом поехали?

– Нет, конечно, – мне показалось, или человек-невозмутимость позволил себе едва заметную ухмылку? – Это было бы... нецелевое расходование средств.

Я подавил облегченный вздох – только с отбитыми на религиозные чувства мне работать не приходилось – и продолжал расспросы.

– А скажите, зачем вообще «Апостолу» нужна вся эта... мишура? – я неопределенно повертел пальцами. – Я имею в виду приверженность теории креационизма, символика эта,

лики опять же... Это же просто промышленная корпорация, да, крупная, но я не понимаю, зачем дополнительные навороты?

Алан снисходительно хмыкнул, заложил руки за спину и принялся как заправский лектор вдоль трибуны расхаживать передо мной и вещать менторским тоном.

– Как вы знаете, доказательств бытия Бога существует ровно пять. Если не считать доказательство Канта. Фома Аквинский был человеком редкого ума, и привел аргументы в пользу существования Бога через движение, через производящую причину, через необходимость, через целевую причину и от степеней бытия. Тот факт, что помимо Земли в необъятной Вселенной существуют эволюционно схожие миры, лишь иллюстрирует их – при прочих относительно равных условиях при наличии единой первопричины, за которую мы с вами аксиоматично примем Бога, развитие жизни идет схожими путями и со схожей скоростью. Существование настолько отличного от Земли и пяти колонизированных экзопланет мира должно нести в себе либо опровержение, либо подтверждение доказательствам Аквинского. Более того, наши специалисты надеются обнаружить здесь материальное подтверждение и онтологическому с теологическим аргументам в критике Канта и его понимании существования Бога, выраженного в категорическом императиве. Но я в первую очередь экономист, не теолог, возможно, я в чем-то вас дезинформировал.

– Так, ладно. Это я примерно понял. Но корпорации-то это зачем?

– Не корпорации, синдикату, – поправил меня Алан. – А вы как полагаете?

– А есть разница между корпорациями и синдикатами? – удивился я. – Я вижу только одну причину – люди охотно жертвуют деньги на благотворительность, а лучшая цель почувствовать себя благородным – это помочь детям, старикам, животным или неизлечимо больным. Зачем жертвовать в пользу религии, для меня одна из неразрешимых загадок. И тем более я не пойму, зачем синдикату столько денег. Их у вас мало, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.